

Сергей Мельгунов

ТРАГЕДИЯ
АДМИРАЛА
КОЛЧАКА

Лучшие биографии

Сергей Мельгунов

Трагедия адмирала Колчака

«ВЕЧЕ»

1929-1931

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

Мельгунов С. П.

Трагедия адмирала Колчака / С. П. Мельгунов — «ВЕЧЕ»,
1929-1931 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4484-8960-0

Книга замечательного историка русского зарубежья Сергея Петровича Мельгунова (1879—1956) «Трагедия адмирала Колчака» до сих пор остается одной из самых ярких книг, посвященных Гражданской войне в России. В ней драматические события на Волге, Урале и в Сибири представлены автором с документальной точностью, а главным содержанием этого труда выступает судьба адмирала А.В. Колчака — Верховного правителя России, которого ждала трагическая гибель. Издание адресовано читателям, интересующимся историей русской смуты XX века в преддверии 150-летия со дня рождения А.В. Колчака. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 978-5-4484-8960-0

© Мельгунов С. П., 1929-1931
© ВЕЧЕ, 1929-1931

Содержание

Крестный путь верховного правителя россии	6
От автора	26
Часть 1	32
Глава первая	32
1. Сибирская общественность	32
2. Легенды и факты	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Мельгунов

Трагедия адмирала Колчака

Составление, предисловие кандидата исторических наук С.Н. Дмитриева

© Дмитриев С.Н., составление, предисловие, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Крестный путь верховного правителя России

Образ этого незаурядного человека дробился на отдельные противоречивые части еще в восприятии его современников. Его называли «русским Вашингтоном» и «Александром IV», «насквозь демократом» и «хранителем монархической идеи», «рыцарем долга и слова» и «жестоким диктатором», «сибирским бонапартом» и «несчастливым моряком, который не сумел быть Наполеоном», «мечтателем-идеалистом» и «блистательным военным», «сентиментальным философом» и «адмиралом без флота», «талантливым исследователем» и «роковым человеком». Такая многоликость восприятия фигуры этого исторического деятеля сохранилась до сих пор. В ней продолжают уживаться самые полярные оценки и эпитеты – от великомученика за святое дело освобождения России до кровавого вождя контрреволюции и реакции.

Эти полярности сохраняются несмотря на многие исторические публикации последних лет, документальные и художественные фильмы, среди которых выделяется почти триумфально прошедший по российским киноэкранам фильм «Адмирал». Несмотря на явные достоинства этого фильма – яркий, эпический характер, воспевание образа главного героя, неподдельный интерес к истории любви адмирала, – в нем в силу неизбежной скороговорки остались за кадром главные вопросы: каким образом Колчак оказался Верховным правителем России и почему все-таки он и его дело потерпели сокрушительное поражение? Я уже не говорю о множестве досадных исторических ошибок, которые присутствуют в фильме, но не умаляют при этом его значения.

Как же уловить истинный облик Александра Васильевича Колчака, вошедшего в историю в качестве Верховного правителя России, год с небольшим находившегося на гребне власти? Самый легкий из возможных путей – скорейшее ознакомление читателей с подлинными документами и с теми трудами, посвященными жизненному пути Колчака, которые хранятся в необозримой кладовой литературы русского зарубежья и до недавнего времени оставались в нашей стране под запретом. Среди этих трудов на одно из первых мест, без сомнения, выдвигается книга замечательного русского историка Сергея Петровича Мельгунова (1879–1956) «Трагедия адмирала Колчака».

Россия прожила уже более 20 лет нового века и не так давно отмечала 100-летие событий революционной смуты 1917 года, взорвавшей вековые устои великого государства. Самое любопытное, что в общественном сознании страны до сих пор еще так и не сформировалось четкое и взвешенное понимание того, *почему и как случилась эта трагедия, каковы ее скрытые истоки и пружины*. К сожалению, даже поток книг и исследований на данную тему, который выплеснулся на читателей за последние годы, не прояснил очень и очень многое из покрытого «плесенью времени». Приходится обращаться к указанной теме как бы заново, и помочь в этом могут все еще не вошедшие в массовый общественный оборот труды именно одного из крупнейших российских историков XX века С.П. Мельгунова.

Вехами на жизненном и творческом пути историка до революции стали исследования по истории России, прежде всего Русской церкви, подготовка им многотомных коллективных трудов о реформе 1861 г., Отечественной войне 1812 г. и масонстве, редакционно-издательские дела в издательстве «Задруга» и журнале «Голос минувшего», а также активное участие в создании и деятельности Народно-социалистической партии. События Октябрьской революции привели историка в стан контрреволюционных сил, в которых он занимал одно из самых видных мест. На этом поприще Мельгунова ждали пять арестов, полтора года заключения в тюрьмах, полгода жизни на нелегальном положении, угроза расстрела и высылка за границу в 1922 г. Затем последовали около 35 лет жизни на чужбине, продолжение антисоветской борьбы и издательской работы, а самое главное, беспрерывные исследования историком пережитой Россией новой смуты. Из-под его пера в эмиграции вышли 12 исследовательских трудов (в 16

томах), сотни статей и заметок, которые позволяют без сомнения называть Мельгунова крупнейшим историком русского зарубежья.

Самым важным трудом Мельгунова в эмиграции стала его трилогия «Революция и царь», которую он задумал еще в 1930-е гг. и над которой работал с периода Второй мировой войны до последних лет своей жизни. В нее входят следующие книги, которые были выпущены в свет издательством «Вече» (3 книги – в 2006 г., а 2 последние – переизданы в 2016 г.): «Легенда о сепаратном мире. Канун революции» (Париж, 1957), «Мартовские дни 1917 года» (Париж, 1961) и «Судьба императора Николая II после отречения» (Париж, 1951). Не останавливаясь подробно на содержании всех этих книг, упомянем лишь, что на их страницах подробно, в некоторых местах почти час за часом, описана трагическая одиссея Николая II и его семьи, начиная с событий 1916 г., первых раскатов Февральской революции и кончая трагедией в Екатеринбурге.

Завоевав популярность в качестве видного историка, издателя и общественного деятеля еще в дореволюционное время, Мельгунов оказался в рядах противников советской власти, поселившись после высылки из России в конце концов во Франции, где он и умер в 1956 г. В эмиграции, отбросив почти все свои прежние исследовательские привязанности, Мельгунов сосредоточился на историческом отображении прожитого Россией на его глазах революционного лихолетья и в конце концов не мог не подойти в своих трудах к воссозданию кровавой эпохи Гражданской войны.

Первым серьезным обращением к этой теме стала книга Мельгунова «Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Материалы для истории русской общественности. 1917–1925» (Париж, 1929). В ней автор предпринял весьма успешную попытку взглянуть через призму насыщенной бурными событиями биографии старого революционера, руководителя антибольшевистского правительства Северной области (г. Архангельск) Чайковского на истоки и характерные черты Гражданской войны. Эта книга дает прекрасное представление о творческом почерке историка, всегда стремившегося быть как можно более объективным: «Быть “беспристрастным” в истории гражданской войны я, конечно, не могу, ибо сам являюсь одним из действующих лиц. И все-таки я старался в данном случае быть больше “летописцем” и говорить преимущественно языком фактов и документов». В книге о Чайковском Мельгунов сформулировал даже следующий своеобразный «завет» добросовестных историков: «Кто-то сказал: в жизни две стороны, две правды. И дело истории из двух правд воздвигнуть единую, цельную. Установить единую “правду”, к сожалению, не суждено и истории».

В том же 1929 году в Париже увидела свет небольшая книга Мельгунова «Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова. Критико-библиографический очерк», которая представляла собой не что иное, как развернутую, прекрасно аргументированную рецензию историка на двухтомный труд Милюкова «Россия на переломе», посвященный Гражданской войне. Автор книги дал весьма нелицеприятную критику исследования бывшего лидера кадетов, справедливо обвинив его в схематизме, искажении и замалчивании фактов, подчинении своих выводов определенной политической линии. Параллельно Мельгунов дал свое понимание многих существенных сторон истории русской смуты XX века. Примерно такой же характер носила брошюра Мельгунова «Российская контрреволюция. Методы и выводы генерала Головина», изданная в Париже в 1938 г. и анализировавшая книгу генерала о событиях революционных лет.

Историк никогда не скрывал, что в исследовании периода Гражданской войны его прежде всего интересовала судьба Белого движения. Он объяснял это тем, что уж слишком много «неправды» сложилось вокруг «дела, начатого Добровольческой Армией», «вокруг подвига, жертвенность которого была впоследствии затушевана тем флером реакции и социальной ненависти, который покрыл высокие патриотические думы и настроения первого во всяком случае периода Добровольчества». Отвергая расхожие утверждения о сугубой классовости», «реак-

ционности» Добровольчества, он утверждал, что оно «было движением в полном смысле слова национальным...».

Такой вывод содержался уже в статье историка «Очерки генерала Деникина» («На чужой стороне», Берлин, 1924, № 5), посвященной обзору исторической эпопеи одного из вождей Белого движения. В этой небольшой статье Мельгунов дал принципиально важные оценки деятельности А.И. Деникина, которые с известной корректировкой могли бы быть отнесены и к личности А.В. Колчака. «Каковы бы ни были ошибки генерала Деникина, – писал историк, – он не принадлежал к числу реставраторов (позднее Мельгунов называл Деникина человеком “либеральной направленности”) – это обвинение должно быть снято перед потомством». По мнению Мельгунова, «не поражения были главной причиной неудачи ген. Деникина, а больше всего его внутренняя политика». Деникин, будучи прекрасным военным, «не умел разбираться в общественных отношениях», не уступал «демократическим требованиям»: «Известная гибкость в политике требуется – и ее не было у слишком прямолинейного Деникина... Прямолинейность создавала ген. Деникину врагов там, где у него могло быть содружество, он обострял отношения там, где политика требовала их смягчения».

В этих словах скрыта одна из тайн крушения Белого дела. В его вожди выдвинулись видные военачальники, имевшие большой опыт, горячо любившие родину, готовые отдать жизни за ее освобождение (Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.В. Колчак, А.И. Деникин, П.Н. Врангель и другие), но им явно не хватало политического опыта, «государственного разума», гибкости и изворотливости в борьбе с более изощренным, жестоким, не останавливавшимся ни перед чем противником. Мельгунов надеялся в 1924 г., что в будущем будет оценен «жертвенный подвиг ген. Деникина и всех, кто был с ним», видя «в раскрытии этой правды сущность исторического процесса», и именно поэтому он сам обратился в конце 20-х гг. к фигуре А.В. Колчака, символизировавшей героизм и подвижничество Белого дела.

Мельгунов никогда не встречался с Колчаком, но между ним и адмиралом протягивались в годы Гражданской войны невидимые опосредованные нити. Дело в том, что историк играл не последнюю роль в развертывании антибольшевистской борьбы, являясь товарищем председателя Народно-социалистической партии и одним из руководителей «Союза возрождения России» – сильной контрреволюционной организации, объединившей левый фланг антисоветских сил. «Союз возрождения» сделал немало конкретных дел для налаживания антибольшевистских действий, а летом 1918 г. этот союз, сблизившись с другой контрреволюционной организацией – «Национальным центром», преимущественно кадетским по своему составу, поднял вопрос «о создании всероссийского правительства» на Востоке. Тем самым он сыграл свою роль в развертывании событий в сторону прихода к власти адмирала Колчака. Позднее, во время четвертого ареста Мельгунова в 1920 г., ему в вину вменялась именно поддержка им «деникинщины» и «колчаковщины».

Мельгунов вообще обошел вниманием в своей книге вопросы его личного участия в событиях 1918–1920 гг. В предисловии к ней он пояснил, что он приурочивал свое исследование к 10-летию со дня гибели Колчака, а потому работал «несколько спешно», делая все возможное, чтобы сгладить «невозможные условия зарубежной работы», как можно шире использовать различные документы и материалы.

Историкуну посчастливилось работать по выбранной теме в Русском заграничном архиве в Праге, и что особенно важно – лично беседовать со многими видными участниками мятежных лет российского раздора – А.И. Деникиным, князем С.Е. Трубецким, генералами Лохвицким, Розановым, сыном адмирала Р.А. Колчаком и многими другими.

Пик работы над книгой пришелся на 1929 год, в конце которого самое объемное и масштабное из произведений историка было завершено. По всей вероятности, Мельгунову не удалось издать свой труд в Париже, он вынужден был печатать его в Белграде не столь значительным тиражом в «Русской библиотеке», собиравшей под своим именем самые различные

произведения русских эмигрантов. В конечном итоге труд Мельгунова был издан в 4-х томах или книгах (части I, II и первый том III части увидели свет в 1930 г., а второй том III части – в 1931 г.).

Первый и второй тома «Трагедии адмирала Колчака», названные автором «Восточный фронт гражданской войны» и «В преддверии диктатуры», вышли с особым подзаголовком «Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири», и сделано это было автором не случайно, а в силу очевидных особенностей этих томов: в них повествовалось о разворачивании Гражданской войны на Востоке до прихода к власти Колчака, и соответственно этому само имя адмирала появлялось на страницах данных частей очень и очень редко. Иное дело – третий и четвертый тома книги, описавшие период, когда Колчак являлся Верховным правителем России. Эти тома не без оснований автор называл «основой моей работы», они действительно вызывают повышенный интерес и носят почти самостоятельный характер. В силу этого представляется возможной и даже целесообразной (для более доступного освоения широкими кругами читателей главного содержания труда Мельгунова) отдельная публикация в настоящем издании именно третьего и четвертого томов книги историка (тем более что в полном виде первый и второй тома этого произведения уже были изданы несколько лет назад в составе полного двухтомника: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Книга первая. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Часть I. Восточный фронт гражданской войны. Часть II. В преддверии диктатуры. М.: Айрис-пресс, 2005).

Для более широкого отражения выбранной темы «жизни и смерти верховного правителя России» в состав настоящей книги, кроме полного текста третьего и четвертого томов «Конституционная диктатура» и «Катастрофа», включены предисловие «От автора» к первому тому произведения, а также главы «Государственный переворот», «После переворота» и «Первые шаги» из второго тома, описывающие события государственного переворота 18 ноября 1918 г. и последовавшие за ним недели противостояния, в которых Колчак уже принимал непосредственное участие. В итоге в настоящей книге оказывается включенным подавляющее большинство всех материалов о Колчаке, содержащихся в рассматриваемом труде Мельгунова.

Сразу же после издания «Трагедии адмирала Колчака» этот труд вызвал бурную полемику в кругах русской эмиграции: многие хвалили книгу и ее автора за справедливую оценку Колчака и Белого движения, другие обвиняли Мельгунова в предательстве «демократических традиций» и реабилитации адмирала Колчака. На это историк отвечал следующими словами: «Я хотел бы слышать возражения, основанные на фактах, а не на теоретических рассуждениях, которые исходят притом исключительно только из традиционных догм и предрассудков... Хуже всего вуалированное прошлое».

Ясно, что и в советское время замалчивавшийся труд Мельгунова вызывал самую резкую критику, причем это делалось мимоходом, чтобы не привлекать к нему внимание. Пример тому – несколько «глухих» упоминаний о работе Мельгунова в самом значительном советском исследовании «колчаковщины» – книге Г.З. Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах» (М., 1983). В ней автор, рисуя адмирала только черными красками, а его власть «кровавой военномонархической диктатурой», назвал «белоэмигрантского историка» Мельгунова «апологетом Колчака».

Был ли таковым историк? Ответ очевиден. Несмотря на то что, по собственным словам историка, он относился к фигуре Колчака с «величайшей симпатией», его книга отнюдь не панегирик, она не рисует безгрешного, никогда не ошибавшегося «национального вождя», не создает ему ложный «апофеоз», а предлагает читателям хорошо взвешенный образ человека, принесшего «свои личные интересы... в жертву общественному долгу». Знаменательны следующие слова автора: «Может быть, на месте Колчака могли бы быть другие, лучше, но их не было. В исторической обстановке того времени судьба во всяком случае выдвинула именно его... Пусть велики будут ошибки Верховного правителя! Допустим, что именно эти ошибки

привели к крушению государственного режима, им возглавляемого», однако «он был чище и идейнее других» и уж тем более «выше своих судей».

Историк ставил перед собой задачу развеять «все то темное и мрачное, что выступало так часто вопреки воле вождей на фоне борьбы, светлой и героической, за восстановление России, и что скопилось около личности российского Верховного правителя». Но он старался все-таки писать не о «личной драме» Колчака, а о трагедии всей России, «трагедии всего того движения, которое превратило в глазах одних Колчака в национального героя, а для других связало его имя с неудачной «антрепризой».

Уже первая глава книги, в которой дается «личная характеристика» Колчака, может обескуражить своей неожиданностью многих советских читателей. Из нее вытекает, что, отличаясь личным мужеством, частой вспыльчивостью, экспансивностью и даже «нервностью» (для случаев подобной резкости современники нашли подходящее определение – «Верховный правитель» опять «заштормовал»), адмирал тем не менее был по натуре «мягким человеком» без «малейшего честолюбия» и «мании величия», постоянно «боялся» прослыть жестоким и отличался «простотой в быту и обхождении». «Он не держался за власть из-за личных побуждений... и не был диктатором в общепринятом смысле слова». Очевидный парадокс истории заключался в том, что на вершине власти и политического могущества в силу рокового стечения обстоятельств оказался человек, который, по его собственным словам, всегда чувствовал к политике «глубокое отвращение». Это настроение особенно окрепло у него в 1917 г., когда массы были охвачены «революционным экстазом» и «находились в состоянии какой-то истерии с инстинктивным стремлением к разрушению». «Лишний раз я убедился, – писал он тогда, – как легко овладеть истерической толпой, как дешево ее восторги, как жалки лавры ее руководителей, и я не изменил себе и не пошел за ними. Я не создан быть демагогом – хотя легко было очень им сделаться, – я солдат, привыкший получать и отдавать приказания без тени политики...»

«Я солдат» – эта простая на первый взгляд формула наполнялась Колчаком глубоким философским содержанием, верой в высокое предназначение профессии военного и даже очистительный характер войн. «Конечная цель жизни, – отмечал он в своих сокровенных записях, – слава военного ореола». На этом фоне у него и окрепла ненависть к разгулу «революционного экстаза», разрушающего все и вся, в том числе армию и обороноспособность страны. Еще в конце 1917 г. Колчак сделал для себя пророческий вывод: «Революционная демократия захлебнется в собственной грязи или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет».

И уже через год автор этих слов возглавил силы, вышедшие на смертельную схватку с новой «революционно-демократической» властью. А судьба, казалось, предназначала этому человеку совсем иной путь... Наметим основные вехи его жизни до того момента, когда он был провозглашен Верховным правителем России. Сделать это тем более необходимо, что в книге Мельгунова данному вопросу вообще не отведено никакого места.

Родился будущий адмирал в 1873 г. в семье морского артиллериста Василия Ивановича Колчака, ушедшего в отставку в чине генерал-майора. «Я вырос в чисто военной семье, – вспоминал адмирал позднее, на допросе в Иркутске. – Братья моего отца были моряками. Большинство знакомых, с которыми я встречался, были люди военные» (Допрос Колчака. Л., 1925. С. 34). Все это и определило жизненный выбор. Следуя по стопам своего отца, мальчик окончил в 1894 г. Морской кадетский корпус, выйдя из его стен «вторым» выпускником и получив премию адмирала Рикорда. Минул лишь год, а юный моряк находился уже в первом своем заграничном плавании в качестве помощника вахтенного начальника крейсера «Рюрик». Затем последовало почти трехгодичное плавание в водах Тихого океана на крейсере «Крейсер», из которого Колчак вернулся уже вахтенным начальником и лейтенантом.

С первых лет своей морской службы Александр Колчак серьезно увлекся научными работами по океанографии, гидрологии и магнитологии, отдавая этим занятиям все свое свобод-

ное время. «Я готовился к южнополярной экспедиции... – признавался он, – писал записки, изучал южнополярные страны. У меня была мечта найти южный полюс; но я так и не попал в плавание на южном океане».

Судьба подарила Колчаку возможность стать исследователем не южных широт, а северных полярных просторов. Хотя молодому лейтенанту не удалось стать участником экспедиции на «Ермаке» адмирала Макарова (в 1899 г. в Кронштадте Колчак сблизился с ним на почве общего увлечения океанографией), в конце 1899 г. по предложению известного путешественника барона Э.В. Толля (1858–1902) он был откомандирован морским министерством в распоряжение Академии наук для участия в Русской полярной экспедиции. Готовясь к экспедиции, Колчак три месяца занимался работами по магнитному делу в физической обсерватории в Петрограде и в Павловской магнитной обсерватории, а затем поехал в Норвегию к Ф. Нансену, который, по словам молодого исследователя, научил его «работать по новым методам».

Экспедиция вышла из Петербурга в июне 1900 г. на судне «Заря», прошла Ледовитым океаном через Карское море и зазимовала на Таймырском полуострове. Следующая зимовка была проведена на острове Котельном, после чего весной 1902 г. экспедиция обследовала группу Новосибирских островов. В это время барон Толль вместе с астрономом Зеебергом отправился на нартах к острову Беннетта, откуда им уже не суждено было вернуться.

Другие участники экспедиции в декабре 1902 г. возвратились в Петербург, однако там было решено снарядить новую весьма рискованную экспедицию по спасению барона Толля, которую вызвался возглавить сам Колчак. Восемь месяцев длились поиски, но они лишь констатировали гибель смелых исследователей. Полярный поход сквозь тысячемильное ледяное крошево, через шесть необитаемых островов протекал в невероятно трудных условиях. Как докладывал позднее Колчак, «тяжелые нарты, а особенно вельбот, ограниченный корм для собак и сравнительно теплое время, заставлявшее нас находиться в пути только в ночные часы, когда становилось холоднее, обусловили невозможность делать переходы больше 5-ти часов в сутки – собаки отказывались идти больше, несмотря на то, что мы все шли в ляжках. Торос, местами очень серьезный для обыкновенных нарт, заставлял нас постоянно останавливаться, рубить дорогу для вельбота и общими силами перетаскивать 36-пудовую шлюпку через хаотически нагроможденные холмы ледяных глыб и обломков».

Однажды Колчак чуть не утонул, провалившись в ледяную воду и потеряв от температурного шока сознание. Боцман Бегичев, вытянувший Колчака из воды за голову, вспоминал: «Мы сняли с Колчака сапоги и всю одежду, потом я снял с себя егерское белье и стал надевать на Колчака. Оказался он еще живой. Я закурил трубку, дал ему в рот. Он пришел в себя». Затем Бегичев специально выбирал путь с крутыми подъемами, чтобы Колчак скорее согрелся (подробнее об экспедиции по спасению барона Толля см.: Вокруг света. 1991. № 1–2).

Позднее на картах появился остров Колчак (76° с.ш., 97° в.д.), названный в честь смелого исследователя, однако совсем ненадолго: революция мстительно лишила своего поверженного врага такой высокой чести, и на нынешних картах остров Колчак обозначается островом Расторгуева...

Многолетнее пребывание Колчака в условиях Крайнего Севера сильно подорвало его здоровье, вскоре у него появились признаки суставного ревматизма, протекавшего в очень тяжелой форме. Однако отдыхать не пришлось. В Якутске, где Колчак находился после завершения экспедиции, его застала новость о начале Русско-японской войны. Он просится на Дальний Восток и получает приказание ехать в Порт-Артур. За три дня до отправления из Иркутска Колчак выполняет свое давнее желание, которое никак не удавалось осуществить, – венчается со своей невестой Софьей Федоровной Омировой (1876–1956).

«Прибывши в Порт-Артур, – вспоминал Колчак о последовавших далее событиях, – я явился к адмиралу Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер “Аскольд”, так как, по его мнению, мне нужно было

немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец; он упорно не хотел назначить меня на минные суда. На этом “Аскольде” я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адмирала Макарова я был назначен на очень короткое время на миноносец “Сердитый”, в качестве командира. На этом миноносце, после того как я вступил в командование, я не рассчитал своих сил, которые уже за все это время были подорваны, – я получил очень тяжелое воспаление легких, которое меня заставило лечь в госпиталь... Результат пребывания на севере – ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре просить назначения на сухопутный фронт... Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня, и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен».

Колчак дает довольно скромную оценку своего участия в войне. Однако он неоднократно отличился в ее ходе мужеством и стойкостью, знаниями и опытом, принимал участие в целом ряде морских и сухопутных боев и столкновений. Уже 15 ноября 1904 г. за «сторожевую службу и охрану прохода в Порт-Артур, обстреливание неприятельских позиций на “Сердитом”» он жалуется орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». В последующие годы за отличие под Порт-Артуром он награждается также золотой саблей с надписью «За храбрость», орденом Св. Станислава II степени с мечами, серебряной медалью в память Русско-японской войны и нагрудным значком для участников обороны Порт-Артура.

Уже относительно давно в нашей стране были впервые опубликованы в журнале «Советские архивы» (1990. № 5. С. 62–74) дневники Колчака периода Русско-японской войны, представляющие собой яркую хронику трагических событий и показывающие их автора в качестве прекрасного военного специалиста и просто наблюдательного человека, не лишённого явных литературных способностей. Последняя запись в дневнике помечена 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.), когда Порт-Артур уже пал, и заканчивается она скорбными словами: «К вечеру я снял посты и оставил только дневальных на батареях и увел команду в город. Ночь тихая, и эта мертвая тишина... кажется чем-то особенным, неестественным».

В эти дни Колчак уже еле держался на ногах из-за ранения и приступа суставного ревматизма. Попав вскоре в госпиталь, он не мог быть эвакуирован и оказался в японском плену. Сначала его перевезли в Дальний, потом в Нагасаки, откуда Колчак вместе с группой больных и раненых офицеров был отправлен через Америку в Россию в апреле 1905 г. В Петербурге комиссия врачей признала его «совершенным инвалидом», дав четырехмесячный отпуск для лечения на водах. После отпуска Колчак вновь поступил в распоряжение Академии наук, продолжая исследования в физической обсерватории и систематизируя все наработанное в период своих полярных экспедиций. В печати появился целый ряд его научных трудов, а сам он был награжден за весомый вклад в исследование российских полярных просторов высшей научной наградой Географического общества – Константиновской золотой медалью.

Однако капитан второго ранга не порвал при этом связь с флотом, а наоборот, выступил вскоре одним из инициаторов подготовки и проведения в жизнь программы его возрождения, возглавив полуофициальный кружок морских офицеров и войдя весной 1906 г. в состав Морского Генерального штаба в качестве заведующего балтийским театром. Хотя многое из задуманного удалось тогда осуществить, вследствие непонимания чрезвычайной важности неотложного осуществления крупной судостроительной программы в верхнем эшелоне Морского министерства Колчак вынужден был в 1908 г. уйти из Генштаба и вернуться к прежней научной деятельности. На специально построенных для полярных экспедиций судах «Вайгач» и «Таймыр» он участвовал в 1909–1910 гг. в исследовании района Берингова пролива и мыса Дежнева.

В конце 1910 г. Колчак был возвращен в Петербург для «скорейшего проведения судостроительной программы». «У меня явилась надежда, – вспоминал он, – что, может быть, удастся дело поправить. Поэтому я вернулся в морской генеральный штаб и был снова назначен на то же место заведующего балтийским театром... В штабе я главным образом работал над деталями судостроительной программы и ее реализацией, установкой нового типа судов и вообще ведал всей подготовкой флота к войне... Мне приходилось принимать участие в маневрах, рассматривать задания для маневров и т. д.». С 1912 г. Колчак командовал эскадренными миноносцами «Уссуриец», а затем «Пограничник», являясь параллельно флаг-капитаном по оперативной части в штабе командующего Балтийским флотом адмирала Н.О. Эссена.

Эту должность Александр Васильевич занимал и на протяжении первого года мировой войны, предпринимая самые энергичные меры, прежде всего, по усилению защиты Финского залива от немецкого флота с помощью минных полей. Возглавил он и операции по постановке минных заграждений у германских берегов, вдоль побережья Балтийского моря, чтобы сковать действия боевых кораблей противника. «Это было выполнено, – сообщал Колчак впоследствии, – целым отрядом крейсеров, в числе которых был крейсер “Рюрик”, на котором я сам был лично, когда пробрался за Борнгольм и прошел до Карколи, где и поставил заграждения как раз на новый 1915 год. Весной 1915 г. я просил Эссена дать мне возможность выполнить одну самостоятельную операцию – заградить Данцигскую бухту и поставить там у входа минные заграждения. Я взял 4 лучших миноносца типа “Пограничника”, временно вступил в командование этим минным отрядом и выполнил задачу... Эта экспедиция увенчалась успехом и дала положительные результаты в смысле подрыва нескольких немецких судов... При заграждении Ливавы я был на отряде миноносцев и вообще полагал, что, вырабатывая какой-нибудь план, надо присутствовать и при его непосредственном выполнении. Адмирал Эссен разделял мою точку зрения, и поэтому я проводил все время, участвуя в отдельных экспедициях, в отдельных предприятиях, боевых столкновениях...»

Как видим, Колчак отнюдь не замыкался в чисто штабной работе, а все время тяготел к живому ратному делу. Свои несомненные способности крупного боевого командира он прекрасно продемонстрировал в конце 1915 – начале 1916 г., когда сначала временно, а затем постоянно исполнял обязанность начальника минной дивизии и командующего всеми силами русского флота (до 50 вымпелов) в Рижском заливе. К этому времени немцы высадили крупный десант на южном берегу Рижского залива, заняли Кеммерн и угрожали Риге. Совместными действиями армии и флота наступление противника было остановлено. «После этого, – рассказывал Колчак, – мною была произведена другая операция, – я высадил десант на Рижское побережье, в тыл немцам. Правда, его пришлось быстро снять, так как он был незначителен, но во всяком случае он привел немцев в панику, так как они совершенно не ожидали высадки этих сил, причем этим десантом был разбит немецкий отряд, прикрывавший местность. За эту работу я был представлен... к георгиевскому кресту и получил эту высшую боевую награду».

Имя Колчака стало известно всей России. И вот в конце июня 1916 г. ему совершенно неожиданно была вручена телеграмма из Ставки о том, что он назначается командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы (капитаном первого ранга, а затем контр-адмиралом Колчак стал в 1915 г.). Последовал срочный отъезд вице-адмирала в Могилев, в Ставку и его беседы там с начальником штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеевым и самим Верховным главнокомандующим Николаем II, выразившими уверенность, что Колчак справится со своими задачами «успешнее, чем кто-либо другой». Вскоре надежды эти оправдались. В результате предпринятых новым командующим мер положение на Черном море весьма заметно улучшилось. По свидетельству самого Колчака, «минные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная и надлежащим образом развитая, радиосвязь дали возможность обеспечить нам черноморский бассейн совершенно спо-

койным от всяких покушений со стороны неприятеля и обеспечить совершенно безопасный транспорт для кавказской армии».

Но тут, как гром среди ясного неба, прогремела Февральская революция. Во время допроса в Иркутске Колчак довольно откровенно ответил на вопросы о своих политических взглядах до этой революции и после нее: «Я был монархистом... Я не могу сказать, что монархия – это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе. Затем, когда последовал факт отречения государя, ясно было, что уже монархия наша пала, и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему временному правительству. Присягу я принял по совести, считая это правительство, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать, и первый эту присягу принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии, и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, – что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе российской власти». Далее адмирал прояснил, что Февральский переворот он приветствовал «как средство довести войну до счастливого конца» и что в будущем предполагал установление в России «республиканского образа правления» (Допрос Колчака. С. 42–45).

После февральских событий на плечи Колчака лег тяжкий труд удержания Черноморского флота от развала и падения в пучину революционной анархии и пораженчества. «...Были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву порохом погребке...» – признавался он тогда в набросках писем к своей возлюбленной Анне Васильевне Тимиревой (1893–1975), разделившей с ним впоследствии все горести и радости его жизни вплоть до последних дней перед расстрелом. (Удивительный образ А.В. Тимиревой, проведенной после смерти Колчака более 20 лет в тюрьмах, лагерях и ссылках, прекрасно изображен в романе Владимира Максимова «Заглянуть в бездну», посвященном скорбному пути адмирала и его возвышенной любви. – *Знамя*. 1990. № 9, 10.) Некоторое время, благодаря огромному авторитету Колчака, ему удавалось «полное сохранение» своей власти как командующего, и Черноморский флот не шел ни в какое сравнение в этом отношении с «бунтарским» Балтийским флотом. Однако «внутренний» распад шел подспудно и на юге.

В середине апреля 1917 г. Колчак был вызван в Петроград, где ему военным и морским министром А.И. Гучковым был предложен пост командующего Балтийским флотом с задачей «подтянуть» его. Колчак на это ответил: «Если прикажете, я сейчас же вступлю в командование Балтийским флотом, но вряд ли я смогу помочь и сделать что-нибудь». По его словам, события в Черноморском флоте протекали лишь с определенной задержкой, и они неизбежно должны были кончиться тем же, чем и на Балтике. Гучков сказал, что подумает еще раз, и в итоге нового назначения не последовало.

В эти дни Колчак познакомился с генералом Л.Г. Корниловым, который считал необходимым подавить революционные выступления вооруженной рукой и располагал для этого, по его собственной оценке, «достаточными силами». Вице-адмирал солидаризовался тогда с генералом, не поддержанным Временным правительством. Позднее, во время допроса в Иркутске, Колчак утверждал, что Корнилов действительно «обладал достаточными силами, иначе он не сделал бы этого предложения. Это человек, отдающий себе отчет в окружающей обстановке, и, конечно, в то время это можно было еще сделать. В то время у правительства было достаточно дисциплинированных сил, чтобы подавить это движение. Это было мнение среди военных, которое было, в частности, высказано Корниловым; разделял его и я...» (Допрос Колчака. С. 65).

Шанс, хотя и не совсем реальный, спасти положение был тогда упущен, и история продолжила свой бег по той колее, которая всем нам хорошо известна. Беспорядки в Черноморском флоте постепенно нарастали, и Колчак был уже бессилён что-либо изменить. В мае 1917 г. он решился обратиться к новому военному и морскому министру А.Ф. Керенскому с просьбой о своей отставке в силу полного бессилия перед ходом событий: «Управлять флотом так, как я понимал, я считал невозможным и считал нелепым занимать место». Керенский ответил, что считает такой шаг преждевременным, и просил подождать его приезда в Севастополь. В конце мая он прибыл в Одессу, а оттуда на миноносце отправился вместе с Колчаком в Севастополь. Почти целую ночь длилась беседа министра и командующего флотом. Колчак доказывал, что он считает совершенно невозможным выполнение своих обязанностей в создавшейся обстановке, так как «коренным образом расходится в своих взглядах на командование, на дисциплину во флоте, которая теперь проводится», и не может «рассматривать деятельность правительства иначе, как ведущую к разрушению нашей вооружённой силы». Керенский со своей стороны лишь успокаивал вице-адмирала, попросив его остаться на своём посту. Колчак согласился, но уже в начале июня на флоте произошла новая революционная вспышка, которая вынудила его послать Керенскому телеграмму с указанием, что он ни при каких условиях командовать флотом больше не будет и передаёт командование старшему после себя офицеру. Правительство согласилось с такой передачей и вызвало Колчака в Петроград.

В столице командующего ждал неожиданный поворот судьбы: послом США Э. Рутом и американским адмиралом Дж. Гленноном, прибывшими в Россию в составе особой миссии по указанию президента В. Вильсона, Колчаку было предложено поехать в США для того, чтобы поделиться своим опытом и богатыми знаниями по минному делу и практике борьбы с подводными лодками, а также принять участие в разработке плана американского морского десанта на Босфор и Дарданеллы. Не видя в тот момент достойного применения своим силам в России и заинтересовавшись поставленными перед ним американской стороной задачами, Колчак с предложением согласился. Уже 17 июня он сообщил А.В. Тимиревой: «...Делу был придан сразу весьма решительный характер, и я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру... Рут и Гленнон довольно ультимативно предложили Временному правительству послать меня в качестве начальника военной миссии в Америку для службы во время войны в U.S. Navy...»

По всей вероятности, согласие Керенского на отъезд Колчака в США во многом объяснялось тем, что к тому времени правительству стали известны связи вице-адмирала с контрреволюционными группами, а его имя все чаще стало фигурировать наряду с именами Л.Г. Корнилова и М.В. Алексея в списке первых претендентов на место военного диктатора в России. Как бы то ни было, в конце июля 1917 г. Колчак отбыл из Петрограда, добрался до Норвегии, а далее пароходом до Лондона, где провёл целый ряд встреч с представителями английского флота. Затем на крейсере Колчак был доставлен в Канаду, а оттуда проследовал до Нью-Йорка и Вашингтона. По приезду в США выяснилось, что план наступления американского флота в Средиземном море отклонён, и Колчаку пришлось лишь обмениваться опытом со своими американскими коллегами. Он и его спутники провели некоторое время в Морской академии, участвовали в маневрах Атлантической эскадры США.

«По окончании маневров, – вспоминал Колчак, – я решил, что надо возвращаться домой. Я был глубоко разочарован, так как мечтал продолжать свою боевую деятельность, но видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное, хотя, конечно, персонально я этого не замечал и не чувствовал... Я сделал прощальные визиты, представился президенту. Я беседовал с ним несколько минут по поводу положения в России... Я считал, что моя миссия не удалась, и что поэтому надо вернуться в Россию и там искать какой-нибудь работы, соответствующей моим знаниям и способностям».

Колчак решил возвращаться в Россию через Тихий океан. И как раз в день его отплытия из Сан-Франциско на японском пароходе «Карио-Мару» в США были получены первые сведения об Октябрьском перевороте в Петрограде. Любопытно, что сначала вице-адмирал даже не поверил этим сведениям, считая их очередной газетной уткой. Однако по прибытии в Йокогаму сведения подтвердились, оказав теперь уже на Колчака «большое впечатление». Самым же «тяжелым ударом» для него стали известия о переговорах в Брест-Литовске и перемирии с Германией. «Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал, – констатировал вице-адмирал, – для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии... Тогда я задал себе вопрос: что же я должен делать?.. Обдумав этот вопрос, я пришел к заключению, что мне остается только одно – продолжать все же войну, как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам... Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и... обратился к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию, на каких угодно условиях».

Определенности пришлось ждать довольно долго. Лишь в начале января 1918 г. военное министерство Великобритании сообщило, что Колчак принимается «на службу его величества» и должен направиться в штаб Месопотамского фронта. В Месопотамии было в то время боевое затишье, зато свирепствовала холера. Но это не испугало Колчака: «Неважная смерть, но лучше, чем от рук сознательного пролетариата, красы и гордости революции».

Однако на этом одиссея Колчака не только не завершилась, а наоборот, ускорила свой разбег. Выехав к месту назначения, из-за чумного карантина вице-адмирал почти месяц пробыл в Шанхае, а добравшись оттуда в Сингапур, получил там телеграмму начальника английской военной разведки: «Ваше секретное присутствие в Манчжурии представляется более желательным». По приезде в Пекин в начале апреля 1918 г. выяснилось, что «новое назначение» связано с обращением к английским представителям посла России в Пекине Н. Кудашева и планами создания в полосе отчуждения КВЖД русских воинских формирований для последующей борьбы на Дальнем Востоке против большевиков. Руководство этими войсками и предполагалось поручить Колчаку.

Прибыв в Харбин, Колчак попал в атмосферу политических склок, он не нашел общего языка с управляющим КВЖД, генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом, не поддержал явную японоориентацию его правительства и не смог установить контакт с атаманом Г.М. Семеновым, стремившимся к бесконтрольной «вольнице». В итоге Колчак вышел из правления КВЖД, куда он был введен в апреле 1918 г., и уехал в Токио, где пробыл более двух месяцев, пытаясь, в частности, поправить свое изрядно испатанное здоровье.

Наконец, внимательно следя за событиями в России, развертыванием там антибольшевистской борьбы, Колчак решил вернуться на Родину и в начале сентября 1918 г. выехал во Владивосток вместе с английским генералом А. Ноксом. Более чем годичные скитания по зарубежным странам подходили к концу. Вскоре в Уфе закончилось заседание Государственного совещания, результатом которого стало создание «временного всероссийского правительства» в виде Директории с преобладанием в ней лиц эсеровской ориентации. Директория переехала в Омск, туда же несколько дней спустя прибыл и Колчак. Здесь для него открывалось два пути: или, как он это предполагал еще в Токио, пробраться на юг в Добровольческую армию к генералу М.В. Алексееву и разыскать находившуюся где-то там жену и сына Ростислава, или остаться в Омске – этой антибольшевистской столице Сибири и найти здесь применение своим силам. Колчак выбрал второе, веря, что «возникает какое-то сильное, объединенное правительство, которое будет в состоянии что-нибудь сделать». На таком решении сказались и полученные им в Омске известия о смерти генералов Корнилова и Алексеева и объявлении главнокомандую-

щим Добровольческой армией А.И. Деникина. Казалось, что на юге дело борьбы с большевиками уже налажено и поставлено на твердую почву, чего нельзя было сказать о Сибири.

После некоторых колебаний в конце октября 1918 г. Колчак согласился занять предложенный ему пост военного и морского министра при Директории. Однако скоро наступило разочарование, вызвавшее просьбу Колчака об отставке: очевидна стала слабость и бездеятельность правительства, погруженность его в чисто политические проблемы, недоверие к нему в армейских кругах, видевших в Директории повторение всего того позорного, что было при Керенском. В это время у Колчака, и не у него одного, окрепла уверенность, что единственный выход из создавшегося положения – установление твердой единоличной власти, соединяющей в себе, по словам адмирала, выполнение двух функций: «верховного (военного) командования плюс верховная гражданская власть, действующая в гражданском порядке, которой можно было бы управлять вне театра военных действий».

Зревшее подспудно недовольство и привело в конце концов к государственному перевороту 18 ноября 1918 г. (Отметим еще раз, что в настоящем издании книга «Трагедия адмирала Колчака» С.П. Мельгунова начинается именно с описания этого государственного переворота, а многомесячная предыстория, в которой Колчак не принимал непосредственного участия, была сокращена.) В его подготовке и проведении принимали то или иное участие офицерские круги, представители союзнических войск в Сибири и политические деятели преимущественного кадетского направления во главе с председателем Восточного отдела ЦК кадетской партии В.Н. Пепеляевым – будущим премьер-министром правительства Колчака. В курсе развивающихся событий, правда не в полной мере, был и сам вице-адмирал. По свидетельству одного из участников событий, он «накануне переворота был предупрежден о готовящемся акте», не возражал против «реконструкции власти», но несколько колебался по вопросу о его личной диктатуре. Однако, получив заверения в бескровности переворота, на него согласился.

Переворот и был совершен бескровно, с соблюдением некоторой «легальности» и «демократичности». В его ходе лишь один солдат-чех оказался раненым. Фактически никакого сопротивления «переворотчикам» оказано не было, в настолько «безвоздушном пространстве» находилась тогда Директория. В морозную ночь с 17-го на 18 ноября несколькими отрядами пехотинцев и казаков в различных местах Омска были арестованы члены Директории И.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов, а также некоторые другие деятели «временного всероссийского правительства», главным образом эсеры. Через два дня они были отправлены в Китай, приняв на себя обязательство не вести политической деятельности против нового правительства.

Рано утром 18 ноября на экстренном заседании Совета министров большинство присутствовавших констатировало, что, поскольку Директория не смогла противодействовать аресту, она должна сложить свои полномочия и уйти. Затем был поднят вопрос об «объединении военной и гражданской власти в одном лице». «Кем был поставлен этот вопрос, – вспоминал Колчак, – я точно не могу сказать, но кажется, что он был поставлен одним из военных. Когда ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения. Я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие Директории».

Эта точка зрения была поддержана всеми. Когда же перешли к обсуждению кандидатур на место «военного диктатора», Колчак предложил провозгласить им Верховного главнокомандующего войсками Директории генерала В. Болдырева. Другие высказывались за самого Колчака. После того как Колчака попросили удалиться, Совет министров 10 голосами против 1 (за Болдырева) остановился на кандидатуре военного и морского министра. Решением Совета министров он был произведен в полные адмиралы и объявлен «временным верховным правителем».

Вступив в должность, адмирал в тот же день отдал приказ: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути пар-

тийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка». Через несколько месяцев власть Колчака была признана в качестве всероссийской правительством А.И. Деникина на юге, Временным правительством Северной области во главе с Е.К. Миллером, Северо-западным правительством С.Г. Лианозова – Н.Н. Юденича, верховным уполномоченным на Дальнем Востоке Д.Л. Хорватом и несколькими почти полностью автономными казачьими атаманами (Иванов-Ринов, Г.М. Семенов, А.И. Дутов и др.).

Дальнейшая одиссея адмирала Колчака предстает на страницах труда С.П. Мельгунова, рисующего широкую панораму жизни бушующей Сибири, которая и «при Колчаке и до Колчака испытала на себе всю тяжесть проклятия, висевшего над Россией». Перед взором читателей проходят реальные приметы «конституционной диктатуры» адмирала и ее надвигавшейся «катастрофы» – политика правительства, действия на фронте, соперничество различных партий, настроение общественности, положение в городе и деревне, восстания и партизанские выступления, «атаманщина» и интервенты под различными флагами. Воссоздавая все эти приметы, автор приходит к выводам, чаще всего диаметрально противоположным тем, которые закрепились в советской исторической науке. Он доказывает, что Колчак, любивший повторять: «Дисциплина есть основание свободы» и «Мы рабы положения», никак не может восприниматься в качестве главного реакционера так называемой «русской Вандеи», а, наоборот, должен расцениваться, как человек, сдерживавший «сползание режима в сторону реставраторства». «Колчаковщина», проясняет Мельгунов, появилась «задолго до Колчака... Колчак в ней неповинен, и поэтому следовало бы этот термин похоронить в истории».

Очень важен и другой вывод автора: «Власть адмирала Колчака держалась только русскими силами. Исключительно русские войска были на антибольшевистском фронте». Что касается союзников, в особенности чехов, то Мельгунов прекрасно показывает их двусмысленную роль в развитии событий, оригинальную «нейтральность», переросшую в конце концов в прямое предательство ими и самого адмирала и его дела. Истоки такого поведения интервентов Колчак определил как-то в одном доверительном разговоре: «Мое мнение – они (союзники) не заинтересованы в сильной России... Она им не нужна».

Мельгунов разъясняет в своей книге и особую роль в приближении «сибирской катастрофы» эсеров, деятельность которых не позволяла часто определить, «где кончались эсеры и начинались большевики». «Сибирские эсеры, – подчеркивает автор, – были главнейшими противниками власти верховного правителя, и их дезорганизаторская работа в тылу армии, которая сражалась с большевиками, являлась едва ли не основной причиной крушения того дола, которому служил Колчак».

Признавая многие «грехи» адмирала, Мельгунов вместе с тем снимает с него надуманную вину в том, будто бы за все ужасы, творившиеся в Сибири, ответственен «сам Колчак». Гораздо больше для понимания как белого, так и красного террора, дает следующий вывод автора: «Подлинная правда требовала бы признания общей ответственности за ужасы гражданской войны».

Книга С.П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака», естественно, не может дать полный и исчерпывающий ответ на самый сложный вопрос о многогранных причинах крушения власти адмирала, сумевшей, казалось бы, объединить все антибольшевистские силы в период их наибольших успехов. Помочь в решении этого вопроса могут, в частности, другие труды из безбрежной исторической библиотеки русского зарубежья. Один из них – изданный еще в 1990 г. в СССР «Дневник» барона А. Будберга, исполнявшего некоторое время обязанности военного министра в правительстве Колчака. Написанные автором с изрядной долей ядовитого сарказма эти дневниковые записи прекрасно выявляют наблюдательность и проницательность барона, в том числе в оценке личности Колчака.

Когда из Омска пришли лишь самые первые известия о перевороте 18 ноября, Будберг заметил в своем дневнике: «...Очевидно, что это будет очень скверный диктатор – для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивой решительности очень недостаточно». Но вот проходит лишь три недели, и барон записывает нечто совсем иное: «Каков бы ни был Колчак, но омская обстановка выдвинула его к власти, ведущей смертный бой с большевизмом, и сто раз проклят тот, кто восстает на него и этим помогает большевикам. Все, в ком есть честь, любовь к родине, обязаны сплотиться около адмирала и своим трудом, своими достоинствами покрыть его недостатки».

Одну из основных причин крушения власти Колчака Будберг видел в том, что «какой-то злой рок» преследовал адмирала «в составе его главнейших помощников». «Все горе в том, – писал барон 11 мая 1919 г., – что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам... во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; все это заменено молодой решительностью, легкомысленностью... презрением к противнику и бахвальством». 7 июня того же года Будберг дополнил эту картину новыми штрихами: «Адмирал, по-видимому, очень далек от жизни и – как типичный моряк – мало знает наше военно-сухопутное дело... Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этилу содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, по-видимому, ничего нет... По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора» (*Гуль Р. Ледяной поход; Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова; Барон А. Будберг. Дневник. М., 1990, с. 233, 237, 238, 251–252, 272–274*).

Примерно такую же, но еще более критическую оценку личности «Верховного правителя» можно встретить в интересной книге генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева (1866–1932), являвшегося в конце 1919 г. помощником главнокомандующего колчаковской армии, под названием «Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца» (Париж, 1985). Эта книга была написана автором во Франции в 1931–1932 гг., почти одновременно с книгой Мельгунова, и до сих пор не издана на родине генерала.

Отдав должное несомненным достоинствам Колчака («благородный рыцарский характер», «смелый и скромный» человек с «необычайной энергией, исключительным знанием дела» и т. д.), Филатьев отмечал, что исследователи минувшего никогда не найдут в деятельности адмирала одного: «злой воли или себялюбия. С этой стороны Колчак кристально чист; до конца своих дней он оставался чистым идеалистом и убежденным рабом долга и служения Великой России». И можно только согласиться с генералом, что «не вина Колчака, если он – выдающийся моряк – оказался совсем несведущим в военно-сухопутном деле и вынужден был слушать советы других, которые оказались не на высоте задачи. Не его также вина, что на его плечи свалилось огромное дело, требовавшее большого и всестороннего опыта по гражданскому управлению, какового опыта у него быть не могло и не оказалось у его помощников. Он не искал власти, она сама к нему пришла вследствие ореола, которым было окружено его имя задолго до того, как он случайно оказался в Омске в момент избрания диктатора. Трагедия Колчака, а вместе с тем и трагедия России, – писал Филатьев, как бы вторя Мельгунову, – явилась результатом чрезвычайно сложной и запутанной обстановки и совокупности самых разнородных сил, тянувших общее дело в разные стороны» (Указ. соч. С. 16–17).

В своей книге Филатьев, в сущности, вынес адмиралу очень суровый приговор. По словам генерала, дело, за которое взялся Колчак, «оказалось ему не по силам», он его «бессознательно погубил», сумев «растратить доставшееся ему богатое имущество, без славы, без почестей и без ратных подвигов» и не сделав «ничего за недостатком знания, умения и твердости

характера». Думается, мы должны прислушиваться сегодня и к этим оценкам, доносящимся из среды русской эмиграции первой волны, чтобы не броситься из одной крайности безоговорочного очернения личности Колчака в другую крайность его безудержного возвеличивания.

Особый интерес книга Филатьева вызывает еще и потому, что в ней автор попытался суммировать те ошибки и промахи адмирала и его помощников, которые привели к катастрофе Белого движения в Сибири. Назовем лишь основные из них: разгул «атаманщины», разлагавший армию и тыл, выбор неверных стратегических планов и направлений наступательных действий, череда различных более мелких военных упущений, не сдержанные, «по линии наибольшего сопротивления», отношения Колчака с союзниками России по Антанте, внутренняя политика, вызывавшая зачастую появление «врагов в тылу» – среди рабочих и крестьянства, разложение чешских и союзнических частей.

Будем надеяться, что дальнейшее серьезное исследование сибирской эпопеи Белого дела еще впереди. Мы же коснемся в заключение финала одиссеи адмирала Колчака, который, по словам Филатьева, «за свои ошибки жестоко расплатился мученической кончиной». Ровно год стоял адмирал у руля государственного корабля, метавшегося по волнам бушевавшей русской жизни, пока воля обстоятельств не заставила его покинуть Омск и застрять, так же как последнего императора, на железнодорожных перегонах в отрыве и от своего правительства, и от своих войск. 27 декабря 1919 г. при явном попустительстве руководителей союзнических контингентов в Сибири адмирал был фактически пленен чехами на станции Нижнеудинск (в это время он за одну ночь поседел), а затем, 15 января 1920 г., передан в распоряжение Политического центра, пришедшего к власти в Иркутске в результате восстания. Эсеровский Политцентр был лишь переходной ступенькой к большевистскому Военно-революционному комитету, который, взяв переданную ему власть в Иркутске 21 января 1920 г., получил «по наследству» и Колчака.

Это событие не оставляло никаких сомнений в дальнейшей судьбе адмирала, его неминуемой голгофе. Большевики не отличались особой щепетильностью к своим врагам, тем более такого масштаба, однако, как это делалось уже не раз, они вновь попытались представить дело так, будто официальная ответственность за смерть «верховного правителя» лежит не на центре, а на местных властях. Вспомним, что именно таким образом они поступили при уничтожении представителей Дома Романовых. Приведем лишь некоторые факты и документы, которые не были известны Мельгунову и поэтому не использовались в его книге.

Еще до перехода власти в Иркутске к большевикам, 17 или 18 января 1920 г., в Иркутский губком большевистской партии по телеграфу через И.Н. Смирнова, члена Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта и председателя Сибревкома, было передано указание В.И. Ленина при первой же возможности направить Колчака в распоряжение Реввоенсовета 5-й армии для последующей отправки в Москву, где мог быть проведен «народный» суд над адмиралом. Однако к Иркутску для спасения Колчака рвались войска генерала Каппеля, что делало невозможной передачу адмирала регулярным частям Красной армии (они вошли в Иркутск лишь в начале марта). И вот 23 января И.Н. Смирнов сообщает В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому: «В Иркутске власть безболезненно перешла к Комитенту коммунистов... Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Из Москвы возражений не последовало, наоборот, расстрел Колчака разрешено было произвести, учитывая местные обстоятельства. Вскоре, в начале февраля 1920 г., Смирнов приказывает исполкому Иркутского Совета: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящимся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя совета министров Пепелева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить». В свою оче-

редь Иркутский Военно-революционный комитет во исполнение приказа Смирнова 6 февраля 1920 г. также постановляет Колчака и Пепеляева расстрелять.

Когда все свершилось, В.И. Ленин, «заметая следы» участия Москвы в решении судьбы адмирала, приказывает заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Э.М. Склянскому: «Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: (шифром). Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?» (Знамя. 1990. № 9. С. 14–15).

Самое любопытное во всей этой истории заключается в том, что 17 января 1920 г., т. е. всего лишь за 20 дней до расстрела Колчака, ВЦИК и СНК торжественно постановили «отменить применение высшей меры наказания (расстрела) как по приговорам Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов». Получается, что Колчака и Пепеляева данное постановление ничуть не касалось, как не коснулось оно и многих тысяч других врагов пролетариата, расстрелянных в первые месяцы 1920 г.

Как же совершилась казнь, произошедшая в 5 часов утра 7 февраля 1920 г.? Комендант Иркутска И.Н. Бурсак вспоминал: «Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов (председатель ВРК. – С.Д.) вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились с Чудновским, что я подготавливаю специальную команду из коммунистов... Во втором часу я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский.

Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым – в шубе и в шапке. Было такое впечатление, что он чего-то ожидал. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

– Как! Без суда?..

К 4 часам утра мы прибыли на берег Ушаковки, притока Ангары. Колчак все время вел себя спокойно, а Пепеляев... как в лихорадке.

Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит:

– Пора.

Я даю команду:

– Взвод, по врагам революции – пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь» (Разгром Колчака. М., 1969. С. 279–280).

А вот что писал о расстреле «верховного правителя» сам Мельгунов: «Где происходил последний акт жизненной драмы адм. Колчака? Чекисты скрывали место... Упомянутый выше М. Струйский, передававший рассказ сидевшего в тюрьме на одном коридоре с Колчаком интеллигентного солдата, говорит, что расстрел был произведен у Знаменского кладбища... Расстреливала Верховного правителя и Пепеляева левоэсеровская дружина (свидетельство Ширямова) в присутствии председателя Чрез. след. комиссии Чудновского, члена Военревкома Левенсона и коменданта города Бурсака. Вместе с Колчаком и Пепеляевым был повешен палач-китаец, приводивший в исполнение в иркутской тюрьме смертные приговоры. Большевики хотели символически запечатлеть последний акт “кровавой сибирской трагедии”, – упомянув в “истории” имя Колчака рядом с именем палача. Чувства элементарной порядочности у них не нашлось даже в этот предсмертный час. Но история пройдет мимо недостойной комедии этих кровавых паяцев... Трупы убитых 7 февраля были спущены в прорубь реки Ангары...

Смерть Верховного правителя знаменовала собой конец “губительной гражданской войны”, т. е., другими словами, организованной в государственном масштабе анти-большевицкой борьбы в Сибири... “Синяя птица”, которую искал благородный мечтатель, многими не понятый и оклеветанный, осталась таким образом несбывшейся мечтой... Колчак не был римским Юлианом, защищавшим “умирающую антику от побеждающих молодых хамов”: на развалинах старых он пытался строить новую Россию. Сравнивший Колчака с Юлианом Кратохвиль уподобил его и рыцарю крестовых походов, погибавшему в песках палящей пустыни за призрак “святого Иерусалима”. Но разве история увидит в этом рыцаре только прозаического колонизатора? Нет, она опозитивировала его, окружила его облик героическим нимбом защитника слабых и униженных, сделала рыцарем долга и подвига. И в этом её правда».

Мельгунов прав: «Очевидно, никогда не будет найдена могила верховного правителя», «искупившего трагедией своей жизни и героической... смертью» свои «невольные ошибки» и «чужие грехи, которых было так много в Сибири». С именем этого человека история действительно связала, как это и предсказывал Мельгунов, легенду о спасении и возрождении «национальной России», вновь переживающей ныне судьбоносные времена...

В сентябре 2014 г. автору этого предисловия удалось побывать в Иркутске и увидеть то место, где предположительно были расстреляны Колчак и Пепеляев. История как бы дохнула на меня тогда своим ледяным холодом. Но памятник Колчаку, возведенный в 2004 г. по проекту скульптора Вячеслава Клыкова неподалеку от предположительного места расстрела, рядом со Знаменским монастырем, производил совсем другое впечатление: своим общим видом он как бы примирял участников той кровавой драмы, и дело здесь не только в размещенных на постаменте фигурах красноармейца и «белого солдата», которые как будто бы застыли в раздумье и покое. Более важен сам образ Колчака, вроде бы угрюмого, твердого и решительного, но совсем не готового к новой борьбе. Это ощущение особенно явно проявляется на фоне и близости с духовной обителью Знаменского монастыря, существующего с конца XVII века и видевшего за это время самые различные, в том числе и самые жестокие кровавые драмы. Именно монастырь, осененный православным духом, как это не раз бывало в русской истории, оказался способным впитать в себя драматические коллизии страшного времени, молитвами перебороть их и подарить людям новые силы, чтобы идти дальше...

История часто лучше всего познается поэтическим взглядом, а не одним лишь анализом тех или иных документов и фактов. И именно в Иркутске, у слияния рек Ангары и Ушаковки я, как историк и в то же время поэт, попытался поэтически взглянуть на «колчаковскую драму», отразив это в двух своих стихотворениях. Первое из них посвящено самому «верховному правителю»:

Колчак
Фигура скорбная с распахнутой шинелью
На фоне яркого монастыря...
Так кончил путь меж Богом и шрапнелью,
Кто отдал жизнь за Русь и за царя.

Неподалеку речка Ушаковка
Скрывает гибели забытые черты,
И вспоминаются тачанки и Каховка,
Походы Каппеля, Чапаев и кресты...

У памятника же царствует молчанье,
Да «белый с красным» замерли у ног.
Не зря ниспосылает свыше испытанье

Для воинов на этом свете Бог.

Иркутск, 28.09.2014

А в другом своем стихотворении я попытался вспомнить о той любви, которая осенила последние месяцы жизни адмирала, даже на фоне самых смутных событий Гражданской войны, так же как когда-то ранее это случилось со многими декабристами:

Иркутск
У Иркутска два «в шкафу скелета»,
Будоражащие всех слегка:
Это декабристские секреты
И расстрел ангарский Колчака.

Две эпохи бурных испытаний:
Честь, мундиры, заговоры, кровь
И рождение в муках новых граней,
И великая, как образец, любовь

Жён, в Сибирь ушедших за мужьями,
И опасности презревшей – той,
Кто была готова хрупкими плечами
Заслонить Правителя собой.

Никому не обойти в Иркутске
Декабристов гордые дома,
Адмиралу памятник на спуске,
Там, где Ангара шумит сама.

Два примера! А сейчас бывает
На Земле такая же любовь?
И вопрос подобный всех смущает,
Попадая нам «не в глаз, а в бровь».

Без любви истории нет ходу!
Ты поймешь такой закон простой
В час, когда заря на небосводе
Загорится вновь над Ангарой.

Иркутск, 28.09.2014

Да, могила Колчака уже никогда не будет найдена, как это предрекал Мельгунов. Но, когда ты стоишь у памятника адмиралу на фоне Знаменского монастыря в Иркутске, то кажется, что и тело его покоится где-то здесь, неподалеку. И как же разбросало могилы и погосты лидеров и героев Белого движения по свету: от Иркутска и Омска, от Петрограда и Крыма до Харбина, Белграда и Парижа. Особенно впечатляет своим особым дыханием Сент-Женевьев-де-Буа, где воскресают печальные тени былого:

Белые

Здесь алексеевцы, корниловцы, дроздовцы
Нашли навечно воинский привал,
И лучик ласкового солнца —
Французского – родным им стал.

Здесь выстроились в ровный ряд могилы,
Напомнив мне солдатский строй.
И хоть уже потеряны все силы,
Опять идут они в последний бой.

Ведь бой еще жестокий длится
За Родину, Россию и Христа
Повсюду, где история творится,
И тут, под сенью русского креста.

Кресты стоят повсюду, как солдаты,
На страже дальних русских рубежей,
А погребенные ничуть не виноваты
В трагедии их погубивших дней.

Бог ниспослал России испытанье,
Не пожалев ничуть ее сынов:
В Сент-Женевьев такое пониманье
Приходит свыше и без всяких слов.

Сент-Женевьев-де-Буа, 24.03.2013

Тема революции и Гражданской войны в последнее время получает все большее освещение, и не только в исторической литературе. Много дискуссий вызвал в обществе фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар», в котором образно и трагически показана драма русской смуты XX века. И меня как поэта этот фильм не мог не подтолкнуть к еще одному обращению к «белогвардейской» теме:

Солнечный удар
Что потеряно и утрачено?
И не пе-ре-честь...
Было ли так предназначено?
Империя, любовь и честь...

И какие безмерные жертвы?
Окаянные дни и года...
Галлиполи, Белград, Бизерта...
Двуглавый орел и звезда...

Пароходный дымок над Волгой,
И буря расправы в Крыму...
И еще Отечество долго
Пребывать будет в дыму.

И дым этот страшно горек,
Разъедает глаза до слёз,
Не вытерпит даже историк
Таких страшных угроз.

Остается только надежда
И любви дыханье живой...
Неужели снова как прежде
Поползет дым над страной?

11.10.2014

Прошло уже более ста лет со дня начала в России смуты 1917–1922 гг. И нам сегодня остается лишь еще и еще раз попытаться понять, *почему и как* произошла эта братоубийственная драма, и что нужно делать в нынешнее время, чтобы подобное никогда не повторилось. Силы в этом осознании и движении вперед нам могут подарить лишь вера и национальное благоразумие. Не могу не привести в конце этой вступительной статьи к книге о Колчаке свои поэтические строки, родившиеся в марте 2014 г. в Белграде, в маленькой православной церкви Святой Троицы, где нашел свое вечное упокоение другой вождь Белого движения – П.Н. Врангель. Эти строки относятся к Колчаку в самой полной мере:

В церквушке маленькой теплится
Лампадка русская не зря,
И остается лишь молиться,
Чтоб забывения заря

Всегда с прощением блистала
Над памятью былых борцов,
Кому России было мало
И чести дедов и отцов!

Трагическая жизнь Верховного правителя России еще и еще раз показывает нам, как же богата история России великими событиями и выдающимися личностями, которые главным своим долгом считали служение своей Родине, в какое бы лихолетье и смутное время им ни пришлось жить и действовать, и пусть они совершали при этом непоправимые ошибки, верили в иллюзии и были обречены на гибель. Зато им было суждено войти в легенды или самим стать легендами!

*С.Н. Дмитриев,
кандидат исторических наук,
главный редактор издательства «Вече»
(1991, 2016, 2023)*

От автора Предисловие

Дело не в законах, а в людях...

А.В. Колчак

Свою книгу я назвал «Трагедией адмирала Колчака», хотя, в сущности, о личной трагедии «Верховного правителя» в Сибири буду говорить мало. А.В. Колчака я не знал и никогда не видел. Его облик рисуется мне только с чужих слов и из замечательного исторического документа, если не вышедшего из-под его пера, то непосредственно им созданного. Я имею в виду показания Колчака во время допроса следственной комиссией «революционного Правительства» в Иркутске в 1920 г. Достаточно прочесть этот литературный памятник, чтобы проникнуться величайшей симпатией к фигуре сибирского «диктатора», трагические черты которого отмечают и противники [напр., Б. Павлу в «Чехословацком Дневнике», № 269].

Да, в жизни этого человека была действительно драма. И заключалась она не только в том, что свои личные интересы он, как и многие в годы гражданской войны, принес в жертву общественному долгу. Наука влекла его к себе в юности. Отважный путешественник и исследователь-гидролог, мечтавший открыть Южный полюс и совершивший в 1903 г. смелое путешествие на Крайний Север в поисках экспедиции бар. Толля, – он был одним из тех, кто посвятил себя возрождению русского флота после японской войны. Пришла затем европейская война. С энтузиазмом Колчак погрузился в атмосферу военных действий, считая победу Германии величайшим злом для России.

В войну клином вошла революция. Тогда имя Колчака прогремело в России в связи с командованием Черноморским флотом. Месяцы тяжелой эпопеи гражданской войны, и «истинный патриот», по выражению проф. Перса в статье «SI. Rev.» [28, VIII], оставленный всеми, гибнет в большевистском застенке.

Это драма. Но не ей посвящаются последующие страницы. Я буду говорить о трагедии всей России, о трагедии всего того движения, которое превратило в глазах одних Колчака в национального героя, а для других связало его имя с неудачной «антрепризой».

Общественная трагедия здесь переплетается с трагедией личной. Человека, чувствовавшего, по собственным словам в интимном письме к другу, «отвращение» к политике, жизнь заставила быть политиком. Человека, видевшего в политической власти «крест», жизнь заставила быть «диктатором». Рыцаря подвига, безукоризненной моральной чистоты, брезгливо сторонившегося от интриг, бурно ненавидевшего произвол (характеристика бар. Будберга), политические противники сделали как бы символом политической интриги и политического насилия, искусственно и несправедливо концентрируя около личности российского «Верховного правителя» всё то темное и мрачное, что выступало так часто вопреки воле вождей на фоне борьбы, светлой и героической, за восстановление России. Идеалист, судорожно искавший лучших путей, делался ответственным за грехи других. «Колчак, узнав о расстреле заключенных в тюрьму членов Учредительного Собрания, в смутные декабрьские дни в Омске, бился в “истерике”¹, – рассказывает с.-р. Колосов, – этот диктатор обладал вообще темпераментом истерической женщины». Но неужели Колосов, а за ним Зензинов, повторившие эти слова, не понимают, сколь неуместна в данном случае их ирония? Она лишь служит личным оправданием того, с образом которого пытаются связать темные страницы освободительной от боль-

¹ Колчак был тяжело болен. С ним сделался обморок.

шевистского насилия борьбы. В нем, Колчаке, была «подлинная человечность», как заметил писатель Ауслендер, дававший в Сибири общую характеристику российского «диктатора».

Колчак был диктатором *sugeneris*, диктатором «конституционным», диктатором, звавшим всех, кто любит Россию, к ней на помощь². Допустим, что этот диктатор, засвидетельствовавший всей своей жизнью бесстрашие и решимость, человек, который переоценивал, как видно из взятого нами эпитафия, роль личности в событиях, был человеком слабым, безвольным, легко поддававшимся чужому влиянию. Мог ли он, однако, встать вне условий, в которых должна была протекать его работа? Мог ли он преодолеть препоны, с которыми встречалась его «миссия» воссоздания России? Моя книга, приуроченная к десятилетию со дня гибели А.В. Колчака, пытается ответить на эти вопросы. Он в значительной степени имел право сказать в июне 1919 г. делегации от омского «Экономического Совещания»: «Мы – рабы положения».

* * *

Я знаю, что найдутся читатели, которые заранее откажут мне в объективном суждении. Мое политическое *scredo* должно было заставить меня отнестись отрицательно если не к личности, то к деятельности диктатора. Того требует освященная годами демократическая традиция. Если я за ученым, бесстрашным исследователем полярных стран, одним из воссоздателей морской мощи России после поражения, проникновенным солдатом русской армии, одухотворенным какой-то почти метафизической, иррациональной, идеей «очищения» человечества через войну, почти мистически познающим гегелевскую (и отчасти соловьевскую) концепцию «счастья радости» и «единоспасительности» войны, – если я отрицаю за ним квалификацию «авантюриста», то этим уже нарушаю начала объективности, установленные скованной ложными догматами мысли. Отдавая должное, мне думается, я проявляю лишь здоровое чувство подлинной исторической объективности. Демократическим талмудистам я мог бы ответить словами Герцена: «Обличая революцию, я вовсе не был обязан переходить на сторону ее врагов». Тактика части русской демократии, по моему мнению, погубила дело Колчака... и свое. Демократия в Сибири проиграла не оттого, что попала «между молотом интервенции и наковальной советской власти»...

Моя работа не будет апофеозом Колчака. Я не буду его рисовать национальным вождем, я не назову его «русским Вашингтоном», как сделал это, быть может, опрометчиво, руководитель сибирской кооперации, старый демократ, народник-революционер А.В. Сазонов³. Может быть, на месте Колчака могли бы быть другие, лучшие, но их не было. В исторической обстановке того времени судьба, во всяком случае, выдвинула именно его. Он был чище и идейнее других [Будберг]. Пламенный темперамент, прямота и непосредственность, чарующая одних, создавала и врагов.

Колчак погиб, и даже показания его для потомства оказались прерванными на самом важном месте. Смерть его лежит на совести его политических противников – и не только их одних. Я говорю не о большевиках. Большевики для меня не политические противники. Под кровавыми ударами этих палачей погибли лучшие люди. Население осознало, по крайней мере, этот итог гражданской войны. Недаром несколько лет назад даже советская печать передавала сообщение о паломничестве, которое наблюдается в Иркутске на сокрытую могилу Верховного правителя. Население уверено, что могила эта вблизи насыпи у тюремного рва точно опознана...

В руки большевиков Колчак попал не в честном бою. Он расстрелян был не как военнопленный. Он был в значительной степени предан – я не боюсь употребить это слово – теми,

² *Иванов В.* (омский журналист). В Гражданской войне. Харбин, 1921. С. 3.

³ Я не знаю, впрочем, были ли эти слова в действительности произнесены.

кто шел с ним так или иначе совместно в деле, которому служил Колчак. Пусть велики будут ошибки Верховного правителя! Допустим, что именно эти ошибки привели к крушению государственного режима, им возглавляемого. Но нельзя найти объективного оправдания для действий междусоюзнического командования в дни, когда Колчак был передан новой иркутской власти и без протеста заключен в тюрьму, над которой развевался демократический флаг. Закон общественной и политической морали, гражданская и военная честь были нарушены совершившимся фактом – фактом, пожалуй, небывалым в истории. Слишком мягки слова проф. Пёрса в указанной статье: «До конца Колчак оставался верным русскому народу и союзникам. Были ли они верны ему?»

Прав П.Б. Струве, написавший однажды в «Дневнике политика» [«Возрождение», № 252], что личность Колчака заслоняется его судьбой – его трагическим концом. Гибель Колчака – пусть даже не будет «субъективно виновных» в его конце – будет всегда ощущаться как жгучее обвинение в нелепом предательстве. Таким скорбным укором войдет она и в историческое сознание потомков...

Колчак был взят «в плен» (слова В.М. Зензинова). Этот «плен» носил слишком своеобразный характер. Так в плен не отдаются. Так в плен не берут. Без волнения не могу я читать рассказа о последних днях Колчака. И мне остается лишь удивляться узости тех представителей «революционной демократии», которые и после смерти сибирского «диктатора» пытаются всё еще сосчитаться со своим политическим противником. Впрочем, пожалуй, и удивляться не приходится – для многих из них это только тактика самооправдания.

Как бы незначительна ни была личность «печального диктатора» [парижское «Pour la Russie»], чувство элементарной политической морали и справедливости не может набросить пелены забвения на позорную страницу иркутского судилища.

Колчака судил «революционный суд». Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей. И с чувством какой-то глубокой обиды и поруганной личной чести перелистываешь страницы допроса адм. Колчака. Зачем его не судили только одни большевики? Зачем на эту позорную страницу занесены, помимо коммунистов, и имена представителей партий соц. – рев. и соц. – дем.? Зачем в этой комедии суда, в этом недостойном зрелище в роли статистов, впрочем не пассивных, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоет никакая «объективная история». Такие вещи действительно «не изглаживаются из исторической памяти».

* * *

Для того чтобы уяснить себе роль Колчака и ту обстановку, при которой протекала правительственная деятельность Верховного правителя, совершенно неизбежно обратиться к периоду, предшествовавшему диктатуре. «Колчаковщина» находилась в полной зависимости от тех явлений, которые сложились задолго еще до появления на авансцене адм. Колчака. Это вовсе не значит, что Колчак слепо следовал по путям, построенным его предшественниками. Но ему приходилось действовать и проявлять инициативу в определенной атмосфере, созданной общественными переживаниями того времени. Последние все вытекали из революции, и не от воли отдельных людей подчас зависело их изменение.

Я отсылаю читателя к своей книге «Н.В. Чайковский в годы гражданской войны». Там я старался показать общественную психологию после октябрьского переворота; изобразить позицию отдельных политических групп; начертать разброд в среде революционной демократии – ее неумение оценить в должной степени общенациональное бедствие и подчинить свои партийные интересы общенациональным целям. Лишь меньшинство в этой демократии пыталось добиться необходимого для противодействия большевикам единства. Оно разбивалось о догматическую косность переживаний других политических вождей. Всё это, скорее, предвещало неудачу противобольшевистского движения. Сибирь и при Колчаке и до Колчака испы-

тала на себе всю тяжесть проклятия, висевшего над Россией. «Корень зла в том, – сказал Колчак 13 ноября, в бытность военным министром Директории, д-ру Павлу в Омске, – что русские никак не могут утвердиться на национальном принципе, ставя интересы партийные выше интересов своего народа. В этом отношении виноваты одинаково оба крыла: и левое и правое. Всякая политическая борьба до тех пор, пока она не стоит на национальной почве и на программе освобождения России, – вредна» [«Чехословацкий Дневник», № 228].

Действительно, немногие сумели твердо стоять на этом «национальном принципе» в годы гражданской войны. Немногие среди социалистов могли бы подписаться под словами эсера Д.С. Розенблюма на листе автографов Уфим. Гос. Совещания: «В настоящее время я прежде всего русский, а потом социалист». Или под словами соц. – дем. П.П. Маслова (известного экономиста): для того чтобы «совершить великое дело спасения России», нужно «забыть и пожертвовать не только своими личными интересами, но и интересами отдельных групп»... [«Красный Архив». XXXI, с. 202–203].

Я начну свой рассказ с момента, когда на горизонте России стала вырисовываться возможность восстановления Восточного фронта против Германии при содействии союзнических сил. Только вникнув в политику колебаний международной дипломатии, в раздражавшее русскую общественность балансирование между признанием и отрицанием большевизма, можно понять тот суровый (*farouchement*) «национализм», за который упрекают Колчака иностранные наблюдатели тогдашней сибирской жизни. «Колчак не понимал, – говорит член французской военной миссии проф. Легра, – что иностранцы необходимы для победы над большевиками» [«М. S1.» – «Le Monde Slave», 1928, II, p. 186].

В сознании русских, боровшихся с большевиками, противогерманский фронт одновременно был и противобольшевистским. И в Сибири на первых порах, и на Волге он был облечен в демократическое одеяние. Он шел под флагом защиты разогнанного большевиками Учредительного Собрания 1917 г. Обстановка существенно отличалась от того, что история гражданской войны раскрывает на Юге. Изучение восточной эпопеи поэтому может представить особый интерес, но я буду ее рассматривать только со стороны подготовки ноябрьского омского переворота, приведшего к вручению власти адм. Колчаку. В «преддверии диктатуры» важно отметить те черты эпохи, которые создали и питали эти явления, столь несправедливо окрещенные противниками именем Колчака – между тем они сами должны признать, что «колчаковщина» появилась «задолго до Колчака». Колчак в ней неповинен, и поэтому следовало бы этот термин похоронить в истории. Мало того, читатель увидит, что демократическая власть – власть преимущественно партийная соц. – революционеров в Самаре – на практике ничем не отличалась от власти «реакционных генералов».

* * *

Вся эта эпоха не нашла еще себе исследователя. По многим вопросам нет еще необходимого даже документального материала. Приходится идти иногда ощупью и разбираться в смутных контroversах, которыми полны мемуары действовавших лиц. История самарского Комитета Учр. Собр. (Комуч), Сибирского правительства, Директории и эпохи Колчака – всё это требует детального, подчас архивного исследования.

Моя задача могла быть только очень скромна – я хотел сделать как бы сводку появившегося уже материала. Я пытался использовать всю литературу, изданную за рубежом (отчасти иностранную), и воспользоваться главнейшим, что появилось в Советской России (в общей сложности мною использовано более 100 книг). И заранее приходится мириться с множеством «неточностей», быть может и немаловажных, которые кропотливый критик может отметить в моем труде.

В истории гражданской войны пока в значительной степени, к сожалению, приходится заниматься еще анализом отдельных фактов. По многим вопросам, как мы увидим, возможны лишь предположительные ответы: так обстоит, напр., дело с омским переворотом 18 ноября. Ясна обстановка «заговора», силы, которые действуют, но далеко не отчетлива еще сама организация переворота.

Мои «неточности» будут отчасти вытекать из того обстоятельства, что меня лично не было на месте действия, мною описываемого. Я должен выступать исключительно как историк, бытописатель, а не мемуарист, т. е. владея мертвым, а не живым восприятием. Правда, я пытался отчасти привлечь и непосредственных свидетелей путем бесед и выяснения спорных вопросов, которыми изобилует описываемая эпоха. Но живые свидетельства сами по себе и тенденциозны и противоречивы. Я пытался восполнить личные наблюдения чтением тогдашних сибирских газет, хотя бы их неполных комплектов. Повседневная печать при всех условиях так или иначе отражает обыденную жизнь. В газетах найдется материал, которого нет у мемуаристов и который не отражается в официальных документах эпохи, к тому же опубликованных в советской историографии довольно случайно и неполно.

Если у меня нет преимуществ, которыми располагает мемуарист; если мое отдаленное пребывание от места действия, при отсутствии достаточно разработанных и документальных данных, ставит меня в невыгодное положение в качестве историка того времени, то имеются некоторые преимущества и на моей стороне. Я чужд непосредственной заинтересованности мемуаристов, так часто стремящихся в изложении к политическому самооправданию. События преломляются в моем сознании не под углом зрения действующих лиц – я всё же на сибирские события смотрю со стороны. Возможно, я не всегда верно улавливаю мотивы. Документ сухо передает факт, не давая ему пояснения и не изображая психологических основ мотивов действующих лиц. Но одно уже установление факта при современном состоянии материала мне представляется явлением положительным. Отделение легенд от происшедшего, вылушивание зерна из наростшей уже оболочки делает, как мне кажется, мою работу небесполезной и для современников, и для будущего историка этой эпохи.

Пелена искажений густо уже покрыла события недавнего еще времени. Я должен буду опровергать эти искажения. В силу этого работа моя часто, очень часто будет носить полемический характер. В силу спорности, я вынужден был подчас непропорционально много места уделять отдельным контроверсам. Я все-таки пытался посылно установить не только фактическую основу. Но в своих обобщениях и выводах я не стремился к фиктивному объективизму, скрывая собственные взгляды и настроения.

«История должна исправить, – говорит Струве, – огромную, непереносимую и жуткую в своей непонятности неправду». Я не могу, конечно, претендовать на выполнение таких больших заданий. Но я остро ощущаю то, о чем говорит Струве. Образ Колчака неотступно стоит как «какая-то неотомщенная тень». Моя книга – лишь маленькая дань погибшему за дело любви к родине человеку со стороны если не политического противника, то, во всяком случае, инако политически мыслящего. Колчак погиб «за чужие грехи». Как характерно, мы встретим эти слова не только у Гинса, но и у чешского обозревателя «сибирской драмы» Бог. Пршикрыла (1929).

Колчак был увлечен мечтой о восстановлении великой России. По словам автора известного сибирского «Дневника» бар. Будберга, Колчак «непоколебимо» был убежден, что если не ему, то тем, кто его заменит, «удастся вернуть России всё ее величие и славу». Мечта искреннего, но, быть может, «наивного идеалиста» не осуществилась. Россия всё еще в небытии... В чем причина? Думаю, что до некоторой степени ответ найдется и в фактах, которые пройдут на следующих страницах.

* * *

Автору никогда не нужно давать оружия критике. Моя книга написана несколько спешно, но мне хотелось ее выпустить к десятилетию гибели адм. Колчака. Мне думается, что многое из рассказанного здесь не было в свое время известно противникам «Верховного правителя». Закулисная сторона должна разъяснить психологию эпохи и реабилитировать память «Верховного правителя», по крайней мере, среди тех его противников, которые смогут действительно отнестись объективно.

Мне нет надобности, выпуская книгу в эмиграции, описывать ненормальные условия зарубежной работы – и прежде всего отсутствие под рукой подчас необходимых книг и материалов. С тем большей благодарностью я должен вспомнить полученное мной разрешение работать в пражском «Русском Заграничном Архиве» и содействие, оказанное со стороны всех работников Архива. Только здесь, в этом богатом уже хранилище газет эпохи гражданской войны, я мог, между прочим, хотя бы частично познакомиться с нужной мне периодической печатью.

Особо я должен отметить информацию, полученную мною от ген. М.А. Иностранцева и С.С. Старынкевича. Ряд указаний и материалов мною получены от М.В. Бернацкого, Г.К. Гинса, Н.Н. Головина, А.Ф. Изюмова, В.М. Краснова, Б.И. Николаевского, А.А. Никольского, Т.И. Полнера, Л.И. Пушкиной, Н.П. Ягудки и Б.И. Элькина. Моя работа, главным образом в третьей ее части, не могла бы быть выполнена без горячего содействия В.С. Озерецковского.

Париж. 1 октября 1929 г.

Часть 1

В преддверии диктатуры

Глава первая

Государственный переворот

(По соображениям, высказанным во вступлении к настоящей книге, в ней были сокращены не имеющие прямого отношения непосредственно к «колчаковской эпопее» следующие тексты: Том 1. Восточный фронт гражданской войны (полностью) и Глава первая «Директория» второго тома «В преддверии диктатуры». Поэтому основное содержание данного издания книги открывает нижеследующая глава «Государственный переворот», которая в полном составе произведения имела порядковый номер 2 во втором томе.)

1. Сибирская общественность

Прежде чем говорить о событиях в Омске 18 ноября, мне хотелось бы еще раз коснуться в нескольких словах сибирской общественности. Мне кажется, читатель мог составить себе о ней представление и ввести некоторые необходимые коррективы в обычное для противников сибирской власти изложение. Однотонная, мрачная картина, ими рисуемая, как будто бы находит подтверждение в отзывах наблюдателей из иностранцев – особенно из числа членов неудачной миссии в Сибирь ген. Жанена. По словам этих очевидцев, вся омская общественность сплошь состояла из каких-то спекулянтов и темных дельцов⁴. Казалось, все махровые реакционеры царского времени собрались на сибирских полях для восстановления старого режима. Напр., в изображении члена французской миссии проф. Легра – человека, который имел наибольшие шансы разобраться в сибирской обстановке и по знанию языка, и по долготеленному знакомству с Россией, – все сибирские политические споры приобрели чрезвычайно упрощенную форму. В Уфе был создан эмбрион социалистического правительства. Между социалистическим правительством и буржуазией в Омске не могло быть достигнуто соглашения: социалисты руководились стремлением реализовать свои мечты; Омское правительство в большинстве думало только о том, как бы набить свои карманы [«М. Sl.», 1928, II, p. 163]. Швейцарец Монтандон – глава сибирской миссии Международного Красного Креста и автор большой книги «Deux ans chez Koltchak et les Bolcheviques» – в доказательство того, что реставраторы в Сибири держались традиций царского режима, рассказывает на основании будто бы авторитетного источника, что Вологодский – «Спаситель Сибири» – при отъезде из Владивостока повез в своем поезде два вагона игральные карты [с. 67]. Может быть, Вологодский и вез «игральные карты» (отрицать этого не могу за неимением данных; Правительству всякого рода финансовые операции приходилось, вероятно, делать для изыскания денег, которые были нервом борьбы), но Монтандон не понимает того, что он говорит о крупном общественном деятеле с безукоризненной в этом отношении репутацией, окончившем свои дни в «большой бедности»⁵.

⁴ Ген. Рукероль, автор воспоминаний, выпущенных Пайо в 1929 г., «L'aventure de l'Amiral Koltchak», уверяет читателей, что министры «без исключения» и чиновники всех рангов претендовали на быстрое обогащение, не особенно стесняясь в выборе средств [с. 54].

⁵ Окулин П.В. Вологодский [«Возр.», № 282].

Таких безответственных суждений в мемуарах иностранцев можно найти немало. Эти мемуаристы в большинстве стоят далеко не на должной высоте. Иные наблюдатели, не слишком образованные, с большим, однако, гонором, не соответствующим положению, которое они занимали, часто без критики повторяют то, что слышат с разных сторон. Сплетня не отделяется от действительности. Легенда заносится как факт. В работе, предназначенной для русского читателя, мне нет надобности опровергать измышления, вольные и невольные, иностранных мемуаристов⁶. Их сибирские показания часто страдают всеми недостатками, присущими оправдательным показаниям. Для них это – оправдание перед общественным мнением Европы, плохо информированным и легко становившимся враждебным к сибирской интервенционной «авантюре союзников» в силу ее неудачи: национальный гонор заставлял искать виновников на стороне. Отсюда подчас вытекают слишком резкие квалификации русской общественности в Сибири. Им тем более легко было искать виновников, что в этих поисках они находили союзников – и могли сослаться на авторитет демократов из социалистического лагеря. Только их суждения без критики многие и повторяют.

Эти, уже русские, суждения партийного происхождения, суждения одной из борющихся сторон, в свою очередь, чрезвычайно пристрастны. Я никак не могу вообще безоговорочно отождествлять монархические симпатии с реставрационными замыслами классов, потерявших свои привилегии во время революционной бури. Это – трафарет плохого публицистического тона. О монархии после всех «революционных» переживаний и эксцессов большевистской поры могли думать и люди, по существу отнюдь не настроенные реакционно (я употребляю это слово в обычном принятом смысле)⁷. Я думаю, многие согласятся со мной, если я, напр., приведу выдержку из дневника В.Н. Пепеляева, давнего члена партии к.-д., входившего в ЦК, помеченную 23 сентября 1918 г.: «Ст. Маньчжурия. Я расстался с кн. Львовым. Мы расцеловались. Он на прощание сказал мне: “Желаю вам успеха насчет монархии”»⁸. Наряду с этим пожеланием Пепеляев отмечает в своем дневнике (28 января): «В офицерстве крепнет монархия». И тем не менее выявления каких-либо открытых монархических симпатий, за исключением «монархических дебошей» (выражение Болдырева) на банкетах, в Сибири не было⁹.

⁶ Некоторых «легенд», впрочем, я попутно коснусь, так как, попав в печать, они получили распространение.

⁷ Понятие «реакционности» становится вообще весьма относительным. Напр., иркутская «Новая Сибирь» [№ 15] в виде иллюстрации реакционных настроений офицеров приводила описание такого инцидента. Три офицера, прибывшие с Волжского фронта (очевидно, из состава Народной армии), просили владелицу газетного киоска уничтожить висевший там портрет Чернова. Та не соглашалась. Тогда офицеры предложили купить портрет с целью его уничтожить. Почему-то и на это владелица не согласилась. Проходивший сибирский офицер безуспешно просил волжских офицеров успокоиться. Он ушел, а волжане продолжали вести «войну» с портретом Чернова. Признаком реакционности становилось в глазах некоторых иностранцев празднование офицерством Нового года по старому стилю [Кенэ. *L'Arriere siberien*. «M. Sl.», 1926, VIII, p. 180]. Зато, по-видимому, последовательным демократизмом считалось печатание в газетах социалистического направления: «Убит Ник. Ник. Романов», т. е. бывший главнокомандующий в. кн. Ник. Ник. Очевидно, это должно было раздражать и не «монархически» настроенное офицерство.

⁸ Цитата эта приводится в работе Субботовского «Союзники, русские реакционеры и интервенция» [с. 19]. Работа Субботовского носит такой характер, что нельзя быть гарантированным в точности цитаты, взятой к тому же изолированно. К сожалению, большевики опубликовали ценный дневник Пепеляева только частично: за июль – сентябрь 1919 г. [Развал Колчаковщины. – «Кр. Арх.». XXXI]. Могло быть, что в суммарной записи Пепеляева было неточно передано мнение Львова.

⁹ Нельзя таковым считать, напр., демонстрацию против Сибоблдумы, о которой передавал Гаттенберг, или требование монархистов играть в июле гимн в железнодорожном собрании в Харбине по случаю какой-то радиотелеграммы с манифестом о вступлении на престол вел. кн. Михаила [Будберг. XIII, с. 221]. Насколько «монархические» симпатии скрывались и позже, свидетельствует такая запись Будберга от 17 июля 1919 г.: «В соборе состоялась панихида по Царской семье. Демократический хор отказался петь. Из старших чинов на панихиде был я, Розанов, Хрещатицкий и уралец ген. Хорошкин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности» [XIV, с. 325]. Что касается банкетных «дебошей», то, быть может, и здесь следует сделать оговорку. Ведь другого национального гимна, кроме «царского», не было создано в революционные месяцы. «Образовалась пустота», – правильно заметил Болдырев [с. 38]. Неотвратимая потребность гимна существовала, недаром англичане не могли понять национальной психологии, обходящейся без гимна. Непосредственный Уорд с подобной речью выступил даже на публичном банкете во Владивостоке: «Если бы у нас было 20 революций, то все-таки я не мог бы представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага» [с. 55–56]. То же было и в Красноярске. На английских собраниях, когда полагалось оркестру играть национальные гимны союзников, испол-

«Монархизм скрывался в омских салонах», – утверждает Колосов [«Былое». XII, с. 228]. Центром его был «салон» Гришиной-Алмазовой. Об этом «салоне» нам придется говорить. Здесь, как и в других местах, в воздухе носилась, однако, не «монархия», а «идея диктатуры». Левый к.-д. Кроль, окрещенный в Сибири, по его словам, «белой вороной», не одобрял этих «диктаторских» настроений. Под углом своих несколько противоречивых точек зрения он дает весьма пристрастную характеристику своих товарищей по партии. «Восточный Отдел» партии к.-д. в Омске он не иначе называет, как «азиатским отделом», и усиленно отгораживается от тактики «матерых реакционеров» типа Жардецкого¹⁰ и «обезумевших от ненависти» Клафтонов [с. 163]¹¹. Таких «обезумевших от ненависти» было немало – и не только в «буржуазной» кадетской партии и среди торгово-промышленников. Их уже характеризовал нам другой Кроль – иркутский эсер. Его характеристику может дополнить Утгоф: «Насилие большевиков так сильно повлияло на некоторые интеллигентские группы, что борьба с большевизмом стала для них самоцелью» [с. 20]. Именно так смотрели на дело и Вологодский, и Сазонов, и другие их соратники. Так смотрели на дело и многие кооператоры. Напр., председатель Союза маслоделов политические расхождения в сибирской кооперации в письме более позднего происхождения (21 июля 1919 г.) объяснил тем, что одни «не желали поражения большевиков, а другие вели кампанию против большевиков»¹². Эти «обезумевшие», среди по крайней мере демократии, искали путей для объединения сил в целях борьбы. Они, в лице хотя бы Сазонова, до последнего момента держались той позиции, которая позже стала весьма непопулярной в некоторых демократических кругах. В работе, посвященной Н.В. Чайковскому, мне приходилось уже цитировать письмо Сазонова от 6 сентября 1921 г.¹³: «И что обиднее всего – сейчас на краю пропасти мы все же продолжаем вести нашу старую партийную грызню и этим ослабляем себя. Сейчас должна быть одна партия – национально-русская и одна цель – спасение и возрождение России, все, что сверх этого, то от лукавого!» «В таком объединении нет места только большевикам справа и слева», – пишет он позже, 15 сент. 1924 г.¹⁴

Не все, может быть, знают, кто такой сибирский «дед» Анатолий Владимирович Сазонов – старый народоволец, человек твердых политических взглядов, жизнь которого прошла «под знаком неустанного служения народу». Слова эти принадлежат Якушеву – противнику Сазонова в годы гражданской войны. Сазонов был одним из деятельнейших участников блока общественных организаций. Таким же горячим сторонником последнего был с.-р. Куликовский, входивший в Областную Думу от якутского Совета крестьянских депутатов.

Как же мог «умный» Кроль назвать блок собранием «тринадцати нулей». В союз входили «правые с.-р.», «народные социалисты», «кадеты», с.-д. группа «Единство»; наконец, кооператоры и торгово-промышленники. «Партийные организации я взял в кавычки, – сообщает политик и мемуарист, – то, что было в Омске под этими названиями, за исключением, может быть, “атаманской” группы “Единства”, как по иронии судьбы называлась партийная группа рабочих, живших в предместье Омска Атаманский Хутор, не имело ничего общего с теми пар-

нялся старый русский гимн (см. воспоминания И.А. Андрушкевича «Последняя Россия» [«Белое Дело». IV, с. 109]). На русских собраниях излишняя демократическая шепетильность доходила до таких гиперболических размеров, что оркестр играл в Иркутске «Rull Britannia» («Британия, царствуй и на водах») вместо «God Save the King» («Боже, спаси короля»). Этой ненормальности не понимает даже Колосов.

¹⁰ Кроль подчеркивает [с. 67], что Жардецкий стоит за монархию и держится германской ориентации. Если это было действительно так, то, очевидно, Жардецкий в Сибири был выразителем позиции, которую приблизительно в это время занимал председатель партии П.Н. Милюков. О позиции Милюкова и партии к.-д. см. мою брошюру «История гр. войны в освещении П.Н. Милюкова».

¹¹ Видный самарский кадет Клафтон, расстрелянный после Колчака. Погиб тогда же и Жардецкий.

¹² Дело касалось ссоры представителя Закупсбыта и Сибирского Союза за границей, когда эсерствующие кооператоры стали выступать против интервенции, «жалая, что союзные войска убивают русских людей». А раньше?

¹³ Я не назвал тогда автора, не зная, что А.В. умер в Шанхае 9 марта 1927 г.

¹⁴ Письмо цитирует автор некролога в «Вольной Сибири» [II, с. 176].

тиями, названия коих эти организации себе прицепили. По крайней мере, ни эсеры, ни энэсы, прибывшие из центра, “омских” эсеров и энэсов своими не признавали...»¹⁵

«Блок в политическом смысле был блоком “тринадцати нулей”. Но с ними были связаны казаки и военные круги, и поскольку они без блока были реальной силой, то и он представлял собой реальную величину» [Кроль. С. 144].

В общем блок, несомненно, пытался осуществлять в жизни позицию, установленную «Союзом Возрождения». Так как блок являлся широким объединением, преследующим практические цели, неизбежно в состав его входили группы, постепенно отходившие от основной линии. В конце концов, на этой почве блок раскололся. Его «правым крылом» была партия народной свободы, которая, как мы видели, и в Сибири постепенно переходила вновь на признание преимущества диктатуры в период гражданской войны... Эволюцию можно наглядно увидеть на примере екатеринбургского Комитета партии, где лидерствовал сам Кроль. В Екатеринбурге было назначено собрание для рассмотрения вопросов, подлежащих обсуждению на партийном Съезде, который созывался в Омске в середине ноября. «Придя на это собрание, – рассказывает Кроль, – я еле узнал нашу группу. Впервые я услышал в ней прямо и определенно сформулированный вопрос: “Директория или диктатура?” Я был поражен даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса в нашей группе, которая одна, из очень редких, сумела сохраниться (?) с 1905 г.» [с. 157].

Откуда это могло взяться? Кроль видит здесь влияние самарцев, прибывших в Екатеринбург в качестве беженцев. Они испытали все прелести управления Комуча и приписывали «исключительно ему поражения на фронте». Директория – продукт Комуча. Она слабовольна; она погубит фронт; она развалит тыл; выход один – в диктатуре. За диктатуру стояли и члены пермского Комитета, жаждавшие вернуться домой. Для них «Директория» – отступление; «диктатура» – наступление. Не оставалась без влияния и «работа прибывшего в Екатеринбург А.С. Белоруссова». В Екатеринбурге, по настояниям Кроля, все же диктатура «незначительным большинством была отклонена». На всесибирском партийном съезде в Омске 16 ноября она была принята.

Но мне неизвестно, чтобы левая часть блока когда-либо объявляла себя принципиальной сторонницей диктатуры¹⁶.

Кроль, враждебный к омской общественности и к блоку, говорит, что блок вел себя в отношении Авксентьева и Зензинова «до неприличия вызывающе» [с. 47]. Я не нашел ни у Кроля, ни у других повествователей того времени каких-либо реальных фактов, но зато у Кроля прочитал, что члены Директории расценивали блок так же, как и Кроль: «Стоило послушать их рассказы, несмотря на всю грусть момента, в комических тонах, как пыжилась депутация от каждой группы отдельно “выявить” перед Директорией свою “точку зрения”, чтобы понять, что для членов Директории весь “блок” и по частям, и в целом был только смешон» [с. 144].

В сибирской обстановке блок всегда до 18 ноября выступал в роли примирителя – это было трудно в той атмосфере взаимного недоверия, которая при Директории, по словам Кроля, «достигла крайней степени накаленности». В свое время Сазонов, в качестве делегата блока,

¹⁵ Я хорошо знаю лидера омских нар. соц. Филашева-Новикова. Видел и много говорил в 1921–1922 гг. с вернувшимся в Москву из Сибири Галецким. Назвать их перешедшими в лагерь консерваторов и реакционеров решительно отказываюсь. Их демократизм сохранился в полной мере. Как мы увидим, lapsus’ы у Галецкого, как у редактора «Новой Зари», были, но и только. Те из прибывших из центра, на авторитет которых ссылается Кроль, судя по их публичным выступлениям, как раз уклонились тогда от линии, установленной центром.

¹⁶ Утгоф ссылается на слова московских эсеров, входивших в «Союз В.». Аргунов утверждает, что даже омский отдел этого союза, переполненный кадетами, во время Уф. Сов. опубликовал заявление о необходимости диктатуры [с. 45]. Такого заявления я не нашел. Надо сказать, что оно противоречило бы последующим заявлениям сибирских отделов «С. В.» и даже блока, позицию которого очень скоро В. Пепеляев будет называть «общественной свистопляской» [Дневник. 16 июля. – «Кр. Арх.». XXXI, с. 59].

выступал «посредником для мирного улаживания возникшего конфликта между Админсоветом и Облдумой» (из некролога Якушева). В период Директории блок также занимался уговариванием сторон. И не только уговариванием. Очень яркий факт из деятельности блока сообщает Колосов: некий капитан Шемякин, по поручению блока, в целях ослабления атаманских насилий занял даже пост начальника штаба у Красильникова.

В накаленной атмосфере взаимного недоверия и вражды уже бесполезно было заниматься общественным воспитанием. Поэтому так неудержимо росла идея необходимости диктатуры. При Директории она стала принимать отчетливые, конкретные формы. Это видно из всех записей ген. Болдырева. Описывая критическое заседание 27 октября, когда члены Директории собирались выйти из ее состава, Болдырев добавляет, что по окончании заседания Виноградов рекомендовал ему, в случае выхода всех четырех членов из Директории, «сохранить власть в связи с сохранением Верховного главнокомандования» [с. 86]¹⁷.

2. Легенды и факты

В книге, посвященной Н.В. Чайковскому, касаясь попутно событий в Омске 18 ноября, я писал: «Переворот произошел как бы сам собой. Это было полустихийное движение военных, которое было санкционировано затем и некоторыми общественными кругами – отнюдь не только реакционными» [с. 152]. И дальше: «В атмосфере заговоров в “мексиканском стиле” должна была выдвинуться группа людей – людей безответственных, действующих за свой страх и риск» [с. 158]. Здесь нужны и добавления и пояснения, но по существу не так уже много надо прибавить.

Из фактов, приведенных на предшествующих страницах, видно, что переворот как бы висел в воздухе. О нем говорили, все его обсуждали. В подобной обстановке является второстепенной уже сама организация действия, направленного на осуществление того, что было *desiderata* широких кругов. И все-таки было ли это действие организованным? Был ли переворот 18 ноября осуществлением заранее разработанного плана? Кто его непосредственные участники и кто стоял в роли вдохновителей и инспираторов за кулисами?

Состояние материалов не дает еще возможности ответить на все эти вопросы с должной ясностью и полнотой. Я заранее готов пойти на упрек в том, что не сумел разобраться в материале и критически проанализировать существующие уже контroversы. Для отчетливого суждения нет прежде всего документов – они вообще редко встречаются в подобных актах. Но и то, что есть, мы знаем преимущественно в выдержках, опубликованных советскими историографами. Мемуаристы же – их немало – слишком подчас безответственны в своих суждениях о недавнем былом. Если выбрать какой-нибудь один источник и следовать ему – все будет необычайно просто и ясно и легко примешь легенду за факт.

* * *

В пражском «Русском Заграничном Историческом Архиве» имеются воспоминания одного из якобы непосредственных участников и руководителей переворота подп. Бафталовского. Написаны они в Тунисе 20 апреля 1925 г. В воспоминаниях этого участника переворота столь определенно чувствуются позднейшие наслоения, что подвергать их детальному критическому анализу не стоит. Здесь суммированы различные данные, слухи, разговоры в одну общую картину, которая в силу уже этого получается мало правдоподобной.

¹⁷ Еще ранее Болдыреву «группой» кап. Степанова было предложено создать в распоряжении главковерха надежную войсковую часть.

Мысль о свержении Директории, в изображении мемуариста, родилась в известном уже нам салоне Гришиной-Алмазовой, посетителями которого были Михайлов и ген. Андогский. Разработку плана с технической стороны взяли на себя ген. Андогский, полк. Сыромятников, полк. Лебедев. Их помощником состоял кап. Буров и автор мемуаров кап. Бафталовский. Финансировал все предприятие Михайлов¹⁸. После длинных переговоров заговорщики остановились как на исполнителях на военной группе Волкова – Красильникова. Полк. Урд дал согласие на поддержку переворота английским батальоном. На роль диктатора был назначен адм. Колчак, давший принципиальное согласие при условии, что власть будет передана ему Правительством, а не добыта им захватным порядком¹⁹. Казачья группа Волкова – Красильникова в ночь с 17-го на 18-е произвела арест членов Директории из состава партии с.-р. ... Командующий войсками Матковский, узнав об аресте, предписал нач. штаба Василенко немедленно принять меры к освобождению арестованных членов Правительства, но Бафталовский раскрыл Василенко план и присоединил последнего к числу заговорщиков. Ночью члены Правительства собрались у ген. Розанова на совещание с военным командованием. Присутствовало 12 человек. О происшедших событиях докладывал полк. Сыромятников. Совещание колебалось. Разрешила вопрос настойчивость Розанова, который, стукнув кулаком, от имени армии потребовал диктатуры.

В изложенных воспоминаниях имеются налицо почти все элементы тех заговорщических сил, которые фигурируют так или иначе в существующих версиях: общественность монархического пошиба, командный состав, члены Правительства, содействующие англичане, согласие Колчака. И все это достаточно фантастично.

* * *

Большевистский историк Парфенов (Алтайский), подчас неизвестно откуда черпающий свой материал, вводит еще новый элемент в среду участников заговора – французскую военную миссию.

«16 ноября 1918 г. в Омск прибыли французская военная миссия во главе с командующим всеми иностранными вооруженными силами на территории Сибири ген. Жаненом и рота французских солдат.

По этому случаю Омское правительство устроило торжественный парад войскам и не менее торжественный обед в честь прибывших иностранных господ.

Во время этого торжественного обеда, после исполнения оркестром французского и других иностранных гимнов, группа подвыпивших казачьих офицеров потребовала, чтобы был исполнен гимн “Боже, царя храни”, и категорически настояла на своем требовании.

Получился некоторый конфуз. Лидерам партии соц. – рев. Авксентьеву, Зензинову и др., возглавлявшим Омское Всерос. правительство и считавшим себя верховной властью, не понравилась эта “монархическая молитва”, и они сделали попытку напомнить офицерам об их “демократических воззрениях” и даже предложили военному и морскому министру Колчаку арестовать некоторых из них. Вечером в этот же день начальник омского гарнизона пол. Волков и начальники казачьих частей Красильников и Катанаев явились к Колчаку и заявили, что “долг перед родиной и настроение всех частей вынуждает их арестовать членов Правительства соц. – рев., ведущих преступную соглашательскую политику с большевиками”, и просили “от

¹⁸ Другой мемуарист, с ненапечатанными мемуарами которого мне пришлось познакомиться с разрешения г-на Поволоцкого, – мемуарист, чрезвычайно опасный – В.Н. Львов, говорит, что общий план действия против Директории был разработан Жардецким, Михайловым и Соловейчиком.

¹⁹ Для связи с Колчаком, добавляет В. Львов, дающий аналогичную версию, был приглашен адъютант Колчака кап. Ильин.

имени всей армии принять на себя верховное руководство возрождающейся армией и народом”...

Колчак торжественным жестом поблагодарил за доверие офицерскую делегацию и уговорился с полковником Волковым, что завтра утром представит ему проект конкретного плана ареста Директории.

На другой день, т. е. 17-го числа, сначала в поезде французской военной миссии, затем в здании военно-промышленного комитета, состоялось объединенное совещание иностранных генералов, представителей партии к.-д., омского “Союза Возрождения” и др., которое почти единодушно, исключая американского и чехословацкого представителей, высказалось за переход власти к военному диктатору в лице адм. Колчака, хотя выставлялись и другие кандидаты: ат. Семенов, ген. Болдырев и атам. Дутов (последний поддерживался генералом Ивановым-Риновым).

Чехо-американские представители, противившиеся разгону Директории, в крайнем случае настаивали на включении Авксентьева и Аргунова, как “пользующихся широкой симпатией народа”, в состав Правительства адм. Колчака и на оставлении “без урезок демократической программы существующего Правительства”.

Технически совершить разгон Директории было поручено полк. Волкову, председателю омского Комитета партии к.-д. Жардецкому и министру финансов И. Михайлову.

А через несколько часов после этого совещания офицерская часть отряда атамана Красильникова приступила к выполнению намеченного плана» [с. 69–70].

Участники французской миссии, выступившие с воспоминаниями о данной эпохе, не знакомы, конечно, ни с работой Парфенова, появившейся в первом издании в Харбине (1921), ни с отдельными статьями этого советского исследователя гражданской войны в Сибири. Иначе они поспешили бы опровергнуть обвинение их хоть в косвенном участии в событиях 18 ноября. Для них Колчак ни более ни менее как «une invention anglaise». Так один из них – Дюбарбье²⁰ – и начинает главу, посвященную перевороту. Сам шеф миссии, ген. Жанен, с удивительной легкостью повторяя популярную одно время у иностранцев наивную легенду, в отрывках дневника, которые печатались в «Monde Slave» [1924, XII, p. 238], говорит:

«Действительно, англичане, поставив Колчака у власти, были приблизительно столь же удачливы, как и тогда, когда они свергли Николая II. Без этого, не знаю, был ли бы побежден большевизм в России, но Сибирь, в этом я убежден, удалось бы спасти и устроить. Народный порыв не был бы там задушен жестокой реакцией, всех возмущавшей, повышавшей нервность чехов и уничтожавшей у них всякое желание сотрудничества».

Известный нам полк. Пишон в статье «Le coup d'état de l'amiral Kolčak» [«M. Sl.», 1925, II, p. 259] добавляет:

«Совершенно несомненно, что адмирал, привезенный англичанами из Месопотамии и из Индии, конвоированный во Владивосток и в Сибирь английским батальоном, был человеком генерала Нокса. Но столь же несомненно и то, что не было на нем ни в коей мере французского штемпеля и что обстоятельства, приведшие его к власти, произошли между отъездом из Владивостока генерала Париса и приездом в Омск верховного французского комиссара и находились совершенно вне нашего влияния».

²⁰ En Sibirie après l'armistice [p. 70]. Дюбарбье, скорее, сочувствует перевороту: сам по себе он был правлен, ибо соц. – революционеры (так назывались «Cesbons bourgeois republicains»), больше болтливые адвокаты и идеологи, чем правители, теоретики, а не реалисты, проявили свое полное бессилие. О них никто не пожалел. Но Колчак сделал ошибку, игнорируя Семенова и чехов, без поддержки которых власть Правительства была нежизненной. По вине Колчака переворот 18 ноября сделался авантюрой. Любопытно, что другой иностранный участник сибирских походов, Люд. Грондиж, считает государственный переворот несколько преждевременным. Ошибка инициаторов в том, что они упустили узнать мнение чехов, без которых новое Правительство не могло существовать [La guerre en Russie et en Sibirie. P. 115].

Пишон не против диктатуры, он только против переворота. Все можно бы сделать легальным путем при некотором терпении. Директория могла бы эволюционировать – Колчак мог бы последовать примеру, который дал в дни французской революции консулат. Такой путь, по мнению французского военного деятеля, является путем законным [с. 206].

Печатание дневников ген. Жанена (этот дневник, во всяком случае, очень обработан) вызвало тогда же возражение со стороны главы английской миссии ген. Нокса в лондонском журнале «*Slav. Rev.*» [1925, март]:

«...Переворот, приведший Колчака к власти до приезда в Сибирь генерала Жанена, был совершен Сибирским правительством, причем Англия об этом не знала, и не было с ее стороны ни малейшего попустительства».

Жанен ответил Ноксу в «*Monde Slave*» [1922, IV]:

«...Да позволит мне сказать генерал Нокс, что у него действительно коротка память, если он не помнит, что был замешан в интриги и перевороты, приведшие к колчаковскому перевороту. Речь никоим образом не идет о «попустительстве», а исключительно об инициативе, проявленной некоторыми ее агентами, – инициативе, ныне ввиду печальных результатов ими отрицаемой. Вероятно, английский генерал не помнит больше смотра, имевшего место 10 ноября в Екатеринбурге, – смотра, на котором прошел церемониальным маршем Мидлэксский английский полк, «являвшийся из Владивостока преторианской гвардией адмирала Колчака». Тогда я еще не приехал в Сибирь, но французские офицеры, мои предшественники, чехи и русские, свидетели этих незабываемых дней, – все помнят, как тогда держались английские солдаты и их командир, полковник Уорд, член Парламента и рабочей партии. Несомненно, последнему неприятно, чтобы его английские избиратели узнали, что он в Сибири сделал ставку на диктатора, заслуживающего столь же мало сочувствия, как и красные диктаторы, – но история есть история и не знает тонкостей и уверток. Добавлю, что генерала Нокса, наверно, держали в курсе заговора, замышляемого Колчаком, хотя бы только через его офицера связи Стевеней, который присутствовал даже на тайном совещании, где было решено выступление. Впрочем, Стевеней и не делал из этого большой тайны, и, когда позже, во время отступления, я задал ему, после многих союзников и русских, вопрос, не сожалеет ли он о том, что содействовал возведению Колчака, которому мы обязаны этим бедствием, он просто промолчал. Мне кажется, что короткая память генерала Нокса ввела в заблуждение читателей «*Slavonic Review*» [р. 21–22].

Проф. Легра в позднейшем комментарии к своему сибирскому дневнику [«*M. Sl.*», 1928, II, р. 166] подтверждает версию своего прямого начальника:

«Мне говорили, и факты этого не опровергают, что приготовления к государственному перевороту производились в согласии с офицерами связи из английской миссии; кроме того, один офицер связи из французской миссии, не принимая участия в подготовке, был, однако, кажется, очень в курсе дела²¹ и был очень счастлив тем, что замышлялось. Итак, у меня такое впечатление, что переворот 17 ноября по существу – переворот военный... Если же это так, то для меня, хорошо знающего направление русских офицеров, ясно, что это – переворот, подготовляющий реставрацию».

Итак, все доказательства ген. Жанена, легко убедившие Милюкова, что дело не обошлось без участия англичан, сводятся к рассказам, которые он и его подчиненные слышали в Сибири по поводу екатеринбургского смотра 10 ноября и присутствия адъютанта ген. Нокса на каком-то заговорщическом собрании. Доказательства не из сильных – слухами Сибирь была полна. К ним мы вернемся по связи с новой версией – екатеринбургской, которая перед нами вырисовывается.

²¹ По-видимому, имеется в виду Зиновий Пешков.

Я, конечно, не знаю, какие русские осведомляли Жанена²², но те русские мемуаристы, которых мне не раз приходилось цитировать, всегда передают только циркулировавшие слухи. Так, Майский в предисловии к изданным «Госуд. Изд.» в Москве воспоминаниям полк. Уорда «Союзная интервенция» пишет: «Я очень хорошо помню, что в Омске в тот период... открыто говорили о весьма активном участии английской миссии, и в частности ее главы, ген. Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков, арестовавших членов Директории, присутствовал представитель ген. Нокса, который благословил заговорщиков на задуманное ими дело» [с. 78]. «Злые языки, – передает Святицкий в другой своей книжке «Реакция и народ», – говорят о непосредственном участии в перевороте Нокса» [с. 26]. Ген. Федоров заявил Колосову, что переворот сделан с согласия и при участии англичан [«Былое». XXI, с. 578]. «В действительности заговор был решен англичанами и французами не в Сибири», – утверждает уже чешский коммунист Шмераль. Источник заговора выше: Шмераль ссылается на речь ген. Штефаника по приезду в Сибирь, в которой первый чешский военный министр убеждал своих компатриотов: «Переворот не был подготовлен только в Омске. Главное решение было принято в Версале» [«Чехословакии и с.-р.». Москва, 1922, с. 21]. Я допускаю возможность подобного заявления со стороны Штефаника, выполнявшего, как мы увидим ниже, весьма щекотливую миссию в Сибири среди чехов, сильно подвергшихся местной агитации. Но ведь ясно, что это был только своего рода демагогический прием. И можно пройти мимо этих коммунистических домыслов.

Самый солидный аргумент в пользу участия Нокса в перевороте можно найти в дневнике Болдырева. Под 21 октября у него записано: «В 4 часа приезжал Нокс с Родзянкой; озабочен размещением батальона прибывающих английских войск. Пил чай, грозил набрать банду и свергнуть нас, если мы не договоримся с сибиряками. “Я становлюсь сибиряком”, – закончил он свою шутку»²³.

²² Осведомителей у французской военной миссии было немало. К сожалению, Колосов не так уже не прав в своем утверждении, что «деятельность иностранных войск сводилась к тому, чтобы следить друг за другом». Контрразведка пускала свои щупальца довольно далеко. Случай доставил мне пачку копий донесений французской контрразведки – это сводки какого-то «тайного агента Джона», представлявшиеся майору Марино в 1919 г. В «Голосе Минувшего» [1926, № I–XIV] мной уже были опубликованы образцы французских агентурных сведений по наблюдению за русскими генералами. Агенты, «прикомандированные» даже к самому Колчаку, проникавшие в его окружение, подслушивали, «стенографировали», обрабатывали «сплетни», выдавали их за непосредственно слышанное (по заявлению ген. Рукероля, «агенты» находились во всех омских «салонах») [Ор. cit. P. 93]. Все это, несомненно, чрезвычайно характерный материал. Но где мерило его достоверности?

²³ Усиленно настаивал на закулисной роли Англии в своих письмах той эпохи Керенский. Он писал об этом в октябре Маклакову и Авксентьеву, предупреждая последнего о Ноксе и настаивая (впрочем, с опозданием – письмо получено 25 октября) на принятии мер «к выяснению всех заговорщиков в России, так как новое повторение корниловской попытки может окончательно разрушить и добить Россию». [Сб. «Издалека». С. 132.] Шум делал Керенский главным образом из-за некоего г. Х., который при содействии лорда Z. организует монархический заговор в Сибири. Воспоминания Набокова вскрывают нам эти инициалы: как оказывается, этим занимался при посредстве неизвестного Завойко лорд Мильнер [с. 230]. Сам Керенский рассказывает, что Маклаков довольно метко ему говорил, что он стреляет по воробьям. Почему такой «авантюрист», как Завойко, пользовался влиянием в некоторых английских кругах и получил особые привилегии для поездки в Сибирь – мы не знаем. Читатель из первой главы наших очерков знает, как подчас наивны бывали иностранные политики и дипломаты, как легкомысленна бывала порой их конспиративно-заговорщическая деятельность. Но к адм. Колчаку это не имело никакого непосредственного отношения. Завойко прибыл в Сибирь после переворота. Занимался он здесь только интригами против Колчака, делал попытку устроить заговор и был выслан. Керенскому кажутся очень убедительными для подтверждения версии об участии англичан в перевороте 18 ноября слова, произнесенные Черчиллем в палате общин 6 июня 1919 г. Он сказал о Правительстве Колчака: «Мы вызвали его к жизни» [Там же. С. 134]. Не следует ли, однако, понимать их в том смысле, что Великобритания оказала реальную помощь Правительству Колчака? В письме ко мне ген. Нокс свидетельствует, что о готовящемся *coup d'état* он узнал за 2–3 дня до 18 ноября от ген. Сахарова в Маньчжурии. В то же время ген. Нокс отнюдь не отрицает возможности, что некоторые члены его миссии (напр., полк. Нельсон) могли быть осведомлены о готовящемся выступлении и принять участие в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот. У меня есть прямое свидетельство о таком совещании с представителями союзников, на котором жена кап. Ильина была переводчицей. Но подобное признание, конечно, очень далеко от утверждения, что ген. Нокс официально санкционировал переворот, а члены его миссии были чуть ли не инициаторы этого акта. Во всяком случае, у М.В. Вишняка абсолютно не было никаких данных для подобного утверждения на страницах «Совр. Записок».

* * *

Если не сам Нокс устроил переворот, то орудием его являлся молодой чешский генерал – Гайда. Есть и такая версия. Нокс соединил Колчака с Гайдой, причем последний не знал о подлинных намерениях Колчака. Это дополнение принадлежит перу Жанена [«М. Sl.», 1925, III, р. 340]. Самому Гаюде только впоследствии открылся злокозненный план англичан, посадивших Колчака, – так пишет он в своих воспоминаниях [с. 97], имеющих, правда, необычайно малую ценность, вопреки мнению Милюкова, так как Гайда в них старательно умалчивает о всех своих закулисных выступлениях и разговорах, которые часто вскрывают подоплеку его сибирской деятельности.

Гайда имел, по версии Колосова, с самого начала «близкое отношение» к возведению Колчака на пост диктатора... Колосов многозначительно подчеркивает, что его сведения исходят из «вполне авторитетного источника»: «Едва ли на свой риск и ответственность Гайда даже и вывез Колчака с Востока». Колосов, посланный вместе с кн. Львовым от Уфимского Совещания приветствовать десант союзников, встретился на ст. Маньчжурия с Гайдой²⁴, который ехал в Зап. Сибирь. Здесь же у Гаюды произошла встреча с В.Н. Пепеляевым. «Оба они сошлись тогда на том, что необходима диктатура и диктатор». «Быть может, он (Пепеляев) зондировал почву для диктатуры ген. Хорвата²⁵, но Гайда предупредил его, ответив быстро и определенно: “Диктатор едет со мной в этом поезде. Это адмирал Колчак”». Проводя диктатуру Колчака, Гайда появился в Екатеринбурге. Естественно, Екатеринбург и стал центром будущего заговора – здесь одна сила непосредственно противопоставлялась другой.

Для того чтобы понять создавшееся в Екатеринбурге положение, надо вернуться несколько назад²⁶. Гайда, возвеличенный успехом в борьбе с большевиками, фетирированный во Владивостоке, предложил сам себя Вологодскому на пост главнокомандующего вооруженными силами, которые действовали на территории Сибири. Мотивом выставлялась необходимость объединения командования. Интересовался Гайда и отношением к своей кандидатуре со стороны Колчака²⁷, с которым он встретился во Владивостоке.

Согласно показаниям, Колчак на допросе ответил:

«Для меня вопрос подчинения той или другой вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава русских сил, если вы все более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно вам принадлежать. Если отношение изменяется в сторону русских, то должно быть русское командование – иначе решить вопрос никак нельзя. Скажите, что такое Директория и что она из себя представляет? Он говорит: “Это образование, несомненно, не жизненное”. Я говорю: “Какую власть при этих условиях вы считали бы наилучшей?” – “Я, – говорит он, – считаю, что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура”. Я ответил: “Военная диктатура прежде всего предполагает армию, на которую опирается диктатор, и, следовательно, это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия. Но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно”. На это он мне отвечает: “Конечно, это

²⁴ О свидании с Колосовым Гайда не обмолвился в своих воспоминаниях. Ниже будет ясно почему.

²⁵ Пепеляев в это время будто бы являлся сторонником диктатуры Хорвата.

²⁶ Общую характеристику Гаюды – этой колоритной фигуры гражданской войны – я предполагаю дать ниже, в момент столкновения его с Колчаком.

²⁷ Не имея возможности выбраться из Владивостока, Колчак обратился в чешский штаб, где у него и произошло свидание с Гайдой. Конечно, только «тайная причина» задержала Колчака во Владивостоке [Кратохвиль. С. 222].

вопрос будущего времени. Но я лично считаю, что это – единственный выход, какой только может быть». На этом разговоре мы расстались» [с. 147]. Так начался «роман», главные роли в котором играли Гайда и Колчак [Кратохвиль].

Ясно, что шупал почву, скорее всего, Гайда – «чешский кандидат в сибирские бонапарты», как характеризует его в то время бар. Будберг [XIII, с. 212]²⁸.

Сочувствующий, по-видимому, коммунистам майор Яр. Кратохвиль²⁹, автор книги «Cesta revoluce», изображает дело так, что именно Колчак при свидании воспламенил страстные желания Гайды [с. 223].

Гайда не мог не чувствовать за собой некоторой силы – недаром Гинс, по поручению Вологодского, так определенно телеграфировал из Владивостока в Омск:

«Помощь союзников обеспечена в случае назначения командующим генерала Гайды. Американцы заявили, что помогают чехам, которых три миллиона в Америке, а не русским. Японцы ведут политику захвата, Англия, Франция благожелательны, но лишены здесь реальной силы. Назначение Гайды свяжет Америку, обеспечит наши интересы. Положение во Владивостоке невыразимо: властвуют Хорват, Лавров, коллегия чиновников, земств, консульский корпус, – всего пять властей.

Весь край деморализован анархией, беспомощно отдается в руки японцев, китайцев. Гайда, как чех, будет пользоваться тем иммунитетом, которого нельзя обеспечить русскому военачальнику при создавшейся обстановке захвата, обнаружившейся продажности (?), поэтому, во имя спасения родины, национальной чести, делегация просит немедленно назначить Гайду командиром, Иванова-Ринова военным морским министром. Указ сообщить нам – час промедления гибелен. Достаточно сообщить – в Благовещенске японцы вывезли все топографические материалы, китайцы захватили пароходы, здесь расхищается военный боевой материал. Другого выхода нет; вернемся нравственно убитыми, сознавая бесповоротную утрату крупных достояний Востока, предстоящие бесконечные ужасы Запада» [«Хроника». Прил. 113].

По-видимому, назначение Гайды не вызвало никаких возражений со стороны сибоблдумцев – по крайней мере Якушев и был арестован в момент переговоров о назначении Гайды с Ивановым-Риновым, находившимся в Уфе³⁰. Но назначение Гайды вызвало оппозицию в Совете министров – очевидно, со стороны Михайлова. Вологодский пытается убедить Михайлова по телеграфу: «В вашем отношении к Гайде чувствуется некоторая предвзятость отношения к чехословакам. Убедительно прошу оставить этот взгляд, ибо в тяжелой обстановке при встрече с иностранцами здесь вся наша делегация убедилась, что единственными бескорыстными нашими друзьями являются чехи, в частности Гайда, который пользуется весьма большим вниманием иностранцев³¹. Дружественное отношение к нам Гайды значительно облегчило общее положение. В целях тактических прошу вас, чтобы везде Гайде и следующим с ним иностранным представителям были устроены почетные встречи войска и гражданской администрации»³².

²⁸ Такое же впечатление выносит и Кроль из своих разговоров с чешскими представителями: они говорили, что заветная мечта Гайды сделаться «русским корсиканцем» [с. 161].

²⁹ Кратохвиль в своей книге верит, что «часы прогресса на нашей планете будут скоро бить в Москве» [с. 539].

³⁰ Не мешает отметить, что во Владивостоке, по словам Гинса, Гайду усиленно рекомендовал небезызвестный с.-р. Калашников [I, с. 231].

³¹ Характерная деталь. По свидетельству Гинса, провожать Гайду во Владивосток собрался весь Дипломатический корпус. На вагоне Гайды, быть может «намеренно», была оставлена надпись: «Иркутск – Москва». Публика проводила Гайду овациями [II, 46]. Вологодского же некоторые иностранные дипломаты встретили «надменно и иронически».

³² Копии цитируемых мной во многих местах переговоров с Вологодским по прямому проводу многих лиц переданы мной в пражский Архив.

Пережив ряд триумфов в Сибири³³, Гайда доехал до Екатеринбурга, в сущности, в сравнительно «скромной роли» начальника 4-й чешской дивизии, подчиненной Сыровому. Фактически он сделался старшим оперативным начальником Екатеринбургского фронта.

В его ведении находились чехословацкие части, Среднесибирский корпус, которым командовал молодой Пепеляев. В Екатеринбурге, по изображению Кратохвиля, Гайда имел вид обойденного и обманутого человека. До поры ему приходилось делать «приятное лицо в очень плохой игре» [с. 223]. В действительности же Гайда держал себя чрезвычайно авторитетно. Он постоянно «своевольничает», по выражению Болдырева. Таким нарушением приказа являлся призыв в «русско-чешские полки добровольцев, не исключая и призванных по мобилизации». Как в свое время было указано, в данном случае некоторые нити связывали Гайду с начинаниями эсеров. Был у Гайды и другой мотив. «Развал, начавшийся в чешских войсках³⁴, – говорит Болдырев, – грозил значительно понизить их значение в Сибири и в глазах иностранцев. Гайда все учитывал. Он пытается начать формирование русско-чешских полков, настойчиво требует присылки на его фронт полностью всего Среднесибирского корпуса, чтобы за счет русских войск усилить свой престиж и сохранить свое влияние в Сибири среди иностранцев» [с. 98]³⁵. В этих требованиях Гайда встречал противодействие со стороны штаба Сибирской армии, главным образом со стороны Иванова-Ринова и Белова.

Имя Белова вводит нас сразу в сферу новых омских группировок и «интриг». Белов – это тоже «злой гений Сибири», с его именем связаны «германофильские» тенденции – так утверждает Гинс³⁶. (Не было ли здесь простой, довольно обычной в то время игры на фамилии – настоящая, или прежняя, его фамилия была Виттенофф.) «Слухи и сплетни» ставили Белова в центр некоторой омской интриги. «Инстинктивно как-то многому не верю», – записывает Болдырев 20 октября.

Я отнюдь не собираюсь разбираться в клубке омских оговоров. Слишком неблагоприятное это занятие. Имя Белова сейчас упоминается только как имя определенного антагониста Гайды. 21 октября Иванов-Ринов, бывший во Владивостоке и назначенный командующим Семиреченским фронтом, прислал на имя Михайлова телеграмму, в значительной степени направленную против союзников и чехов. Телеграмма, не особенно грамотная, содержала, по мнению Болдырева, много горькой правды. Иванов, между прочим, писал, что догадывается о «намерении Гайды в Омске с группой приверженных ему русских офицеров объявить диктатуру»... Это была, по выражению Иванова, какая-то «социалистическая диктатура». Мне кажется, что бывший «полицейский» довольно прозорливо проник в потаенные планы чешского кандидата в «сибирские бонапарты»³⁷. Гайде была известна и телеграмма Иванова, и связь последнего с Беловым. Ясно, что их противодействие требованиям Гайды – проявление германофильских противосоюзнических тенденций. 10 ноября Гайда потребовал посылки в его распоряжение всех частей Среднесибирского корпуса. «Его предприимчивость, – рассказывает Болдырев, – пошла так далеко, что он нашел возможным подкрепить свои требования ультимативной формой, назначив 48 часов на выступление требуемых частей и такой же срок на устранение от должности нач. штаба Сибирской армии г.-м. Белова... При неисполнении грозит двинуть войска в Омск и «сделать такой порядок, что долго будут помнить» [с. 101]. Дело не ограничивалось угрозой, ибо одновременно Гайда приказал эшелонам 18-го чешского полка, бывшим на пути в Омск, сосредоточиться к этому пункту и «быть готовым к бою». Рас-

³³ Томское купечество поднесло Гайде 1 сент. золотое оружие с надписью: «Покорителю немецких и мадыарских войск в Сибири 1918 г.».

³⁴ Об этом подробно скажем особо.

³⁵ Он требовал, кроме того, из каждой дивизии Уральского корпуса послать по 100 чел. для временного прикомандирования к чешским войскам.

³⁶ См. также *Пишон* [«М. Sl.», 1925, II, р. 254].

³⁷ Телеграмма Иванова целиком приведена у *Болдырева* [с. 99].

поражения Гайды были сделаны совершенно самостоятельно – он не осведомил даже своего прямого начальника ген. Сырового, который, получив от Болдырева соответствующую информацию, остановил продвижение войск и пытался объяснить гайдовские беззакония «потребностями фронта».

К описанному инциденту было примешано имя Колчака, который был в эти дни на Екатеринбургском фронте и прислал телеграмму Болдыреву: «С своей стороны считаю отстранение ген. Белова для пользы русского дела необходимым». Колчак, доверяя Гайде, расходясь с Ивановым-Риновым и Беловым по военным вопросам³⁸, совершенно не был осведомлен о закулисной стороне, тем более о характере гайдовского ультиматума и о распоряжении двигать войска на Омск. Нет абсолютно никаких данных для противоположного утверждения. Поэтому так легко Колчак изменил свой взгляд на гайдовский инцидент после разговора с Болдыревым и только настаивал на расширении своих прав как военного министра³⁹.

Некоторые из мемуаристов, напр. Пишон, ставят ультиматум Гайды в непосредственную связь с упомянутым екатеринбургским планом правительственного переворота, выдвигнувшего диктатуру Колчака на место Директории. Искусственность установления такой связи очевидна сама по себе. Ясно, во всяком случае, что омская «интрига» против Директории, которую ставят в связь с именем Михайлова и др., не могла иметь отношения к екатеринбургской «интриге» Гайды, прямо ей противоположной. Иванов-Ринов, Белов и др. не были склонны поддерживать кандидатуру Колчака. В цитированной телеграмме Иванова-Ринова имеются довольно неодобрительные отзывы о Колчаке. Иванов-Ринов выдвигал себя на пост военного министра при Директории: «Колчак весьма нетактично произвел разрыв с японцами и вообще много напортил на Востоке своей несдержанностью». Почти одновременно с телеграммой Иванова Белов получил телеграмму от ближайшего сотрудника бывшего упр. военным вед. Сибирского правительства, ген. Бобрика, направленную против включения Колчака в состав Правительства Директории: «Когда у ген. Иванова так удачно налаживается дело на Д.В., является просто безумием заменять его Колчаком, о котором здесь общественное мнение как о человеке, несоответствующем моменту... Японцы официально высказались, что они желали бы видеть министром Иванова. Смена министра в настоящий момент загубит наше дело у союзников» [Болдырев. С. 100]. Есть ли сомнение в том, что в такой момент не должно быть речи, во всяком случае у этой группы, о выдвигании кандидатуры Колчака на пост русского диктатора?

В момент «ультиматума Гайды» военный министр Директории находился на Екатеринбургском фронте. Он был приглашен чешским военным командованием на назначенное на 9 ноября торжественное освящение знамени «в честь начала чешской национальной жизни». На екатеринбургское торжество прибыл с частью своего более показательного батальона полк. Урд. Так как вагон военного министра оказался прицепленным к этому поезду, то, очевидно, все это было сделано не случайно – англичане везли на показ своего ставленника. Будущий диктатор появился с эскортом «преторианской гвардии» [Пишон. «М. Sl.», 1925, II, p. 212]⁴⁰. Нокс-де давно искал подходящего генерала. Поэтому, вывезя в начале октября при содействии Гайды специального «диктатора» с Востока, 23 октября зондировал через ген. Степанова почву, не подходит ли в диктаторы Болдырев. «По словам... Степанова, – записывает

³⁸ Колчак, между прочим, поставил условием своего вхождения в министерство уничтожение введенной Ивановым «территориальной системы», которую он считал «неприемлемой» [«Допрос». С. 167].

³⁹ «Он или очень впечатлителен, или хитрит», – записал Болдырев [с. 165].

⁴⁰ Потому ли, что военный министр не видел в военной помпе выявления авторитета власти, потому ли, что министр Всерос. прав. был в менее привилегированном положении в Сибири, чем знатные иностранцы, но Колчак, очевидно, не придавал значения этому факту. Делал так, как было скорее и удобнее, не считаясь и не предполагая, что позднее отсюда родится сплетня. Урд указывает, что никакого предварительного соглашения о том, что он будет сопровождать Колчака в Екатеринбург, не было. Совместная поездка была решена накануне [с. 76].

Болдырев, – решено главным образом поддерживать русского генерала, которому доверяют союзники. Этому генералу будет дана и финансовая и людская помощь. Степанов дал понять, кто этот генерал. Это было первым серьезным искушением. Я отнесся к нему спокойно» [с. 82].

Выслушаем самого Колчака. Из его рассказа как-то все становится ясным.

«Первая моя миссия была присутствовать на этом торжестве и затем вечером на банкете, где я впервые познакомился с чешскими офицерами и Сыровым. Там присутствовали представители иностранных держав. Кроме того, я там вторично видел Гайду».

На другой день Колчак имел свидание с Гайдой.

«Здесь Гайда меня спрашивал о том, каково политическое положение в Омске. Я сказал, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным ввиду того, что соглашение между Сибирским правительством и Директорией есть просто компромисс, от которого я не жду ничего хорошего, что столкновения в будущем почти неминуемы, потому что Директория не пользуется престижем и влиянием, что Сибир. прав., которое считает, что оно Сибирь объединило и уже шесть месяцев стоит у власти, передает эту власть с известным сопротивлением. Я говорил, что столкновения, несомненно, будут, и во что они выльются, я сказать не могу. Гайда сказал на это: “Единственное средство, которое еще возможно, это – только диктатура”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.